

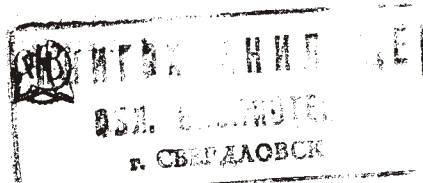
ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Изд. 1931
А № 30155

АРХИВ

„Коммунистический Интернационал, объединяя революционных рабочих, ведущих за собой миллионные массы угнетенных и эксплуатируемых против буржуазии и ее „социалистических“ агентов, рассматривает себя как исторического преемника „Союза коммунистов“ и Первого Интернационала, находившихся под непосредственным руководством Маркса“.

(Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Выпуск VI, стр. 8.)

ОГИЗ • МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 1931
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

Ксения Игнатьевна Раткевич

1886 1942

биографическая справка,

ссылки на оцифрованные работы

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p167304709.htm>

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ratk>

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2012

После текста см. ссылки на другие работы по теме

М 297/61

ОГЛАВЛЕНИЕ

Труд и капитал в середине XIX века

I. Капитал	3
II. Труд. Настроение рабочих масс	6
III. Стачка строителей в Англии	12
IV. Перед возникновением Интернационала	17

Первый Интернационал

I. Основание Интернационала	25
II. „Учредительный адрес“ и устав	31
III. Первые шаги Интернационала. Как французские рабочие смотрели на социальную революцию	38
IV. На Женевском конгрессе	45
V. „Капитал“	52
VI. Интернационал и стачечное движение	57
VII. Рост Интернационала	62
VIII. Образование германской социал-демократической рабочей партии	65
IX. Отношение господствующих классов	68
X. Борьба за программу. Вопрос о борьбе пролетариата за политические свободы	73
XI. Вопрос о войне и о международной политике рабочего класса	76
XII. Вопрос о собственности	82
XIII. Вопрос о праве наследования и другие	86
XIV. Михаил Бакунин	89
XV. Война 1870 года и Коммуна	96
XVI. Уроки Коммуны и международное рабочее движение	103
XVII. Репрессии против Интернационала и раскол в его среде	105
XVIII. Борьба Бакунина против марксистского руководства продолжается	109
XIX. Конгресс в Гааге	114
XX. Последние годы I Интернационала	119
XXI. После распада I Интернационала	123

ТРУД И КАПИТАЛ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

I. КАПИТАЛ

В начале пятидесятих годов XIX века европейская буржуазия уверенно смотрела вперед.

Потрясения 1848 — 49 гг. — бури совсем еще недавние — почти позабылись. Призрак коммунизма, вставший тогда над Европой, рассеялся. Так по крайней мере казалось.

В самом деле: революционные организации были разгромлены. Революционеры сидели по тюрьмам или бежали с разных концов континента в Англию (там был обеспечен приют политическим изгнанникам).

Рабочий класс, лишенный своих вождей, понесший большие потери после ряда неудачных восстаний, был повсюду дезорганизован.

С другой стороны, правительства Франции и Германии, до революции 1848 г. опиравшиеся еще на полуфеодальный помещичий класс или на крупных финансистов, пошли на уступки, и промышленная и торговая буржуазия получила доступ к управлению государством. Ее интересы заняли первое место в системе государственного строительства.

Для буржуазии настали годы безмятежного накопления, развертывания промышленности, извлечения прибыли.

Материальная база уже и так была солидной. Новые успехи казались головокружительными для того времени.

Размеры мировой торговли в пятидесятих годах в два с половиной раза превышали обороты начала столетия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Труд и капитал в середине XIX века

I. Капитал	3
II. Труд. Настроение рабочих масс	6
III. Стачка строителей в Англии	12
IV. Перед возникновением Интернационала	17

Первый Интернационал

I. Основание Интернационала	25
II. „Учредительный адрес“ и устав	31
III. Первые шаги Интернационала. Как французские рабочие смотрели на социальную революцию	38
IV. На Женевском конгрессе	45
V. „Капитал“	52
VI. Интернационал и стачечное движение	57
VII. Рост Интернационала	62
VIII. Образование германской социал-демократической рабочей партии	65
IX. Отношение господствующих классов	68
X. Борьба за программу. Вопрос о борьбе пролетариата за политические свободы	73
XI. Вопрос о войне и о международной политике рабочего класса	76
XII. Вопрос о собственности	82
XIII. Вопрос о праве наследования и другие	86
XIV. Михаил Бакунин	89
XV. Война 1870 года и Коммуна	96
XVI. Уроки Коммуны и международное рабочее движение	103
XVII. Репрессии против Интернационала и раскол в его среде	105
XVIII. Борьба Бакунина против марксистского руководства продолжается	109
XIX. Конгресс в Гааге	114
XX. Последние годы I Интернационала	119
XXI. После распада I Интернационала	123

ТРУД И КАПИТАЛ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

I. КАПИТАЛ

В начале пятидесятих годов XIX века европейская буржуазия уверенно смотрела вперед.

Потрясения 1848 — 49 гг. — бури совсем еще недавние — почти позабылись. Призрак коммунизма, вставший тогда над Европой, рассеялся. Так по крайней мере казалось.

В самом деле: революционные организации были разгромлены. Революционеры сидели по тюрьмам или бежали с разных концов континента в Англию (там был обеспечен приют политическим изгнанникам).

Рабочий класс, лишенный своих вождей, понесший большие потери после ряда неудачных восстаний, был повсюду дезорганизован.

С другой стороны, правительства Франции и Германии, до революции 1848 г. опиравшиеся еще на полуфеодальный помещичий класс или на крупных финансистов, пошли на уступки, и промышленная и торговая буржуазия получила доступ к управлению государством. Ее интересы заняли первое место в системе государственного строительства.

Для буржуазии настали годы безмятежного накопления, развертывания промышленности, извлечения прибыли.

Материальная база уже и так была солидной. Новые успехи казались головокружительными для того времени.

Размеры мировой торговли в пятидесятих годах в два с половиной раза превышали обороты начала столетия.

Длина железных дорог всего земного шара за тридцать лет — с 1840 г. по 1870 г. — выросла с 7700 км. до 221 859 км. Вместимость морских и речных судов выросла вчетверо. Добыча каменного угля, чугуна, стали вырастает в четыре, пять, десять раз за какие-нибудь двадцать пять—тридцать лет.

Если взять по отдельным странам, то в Англии увеличили выплавку чугуна в три раза. В хлопчатобумажной промышленности число веретен за десять лет увеличилось здесь на одну седьмую, количество паровых станков — почти в четыре раза. Длина железнодорожного полотна за десять лет выросла в полтора раза. Торговля за двадцать лет с 1843 по 1863 гг. увеличилась в три раза и достигла 443 955 тысяч фунтов стерлингов. Многочисленные колонии, разбросанные по всем частям света, снабжали Англию сырьем для хлопчатобумажной и металлургической промышленности. После двух войн с Китаем китайские порты открылись для английских купцов.

В середине XIX века английская торговля владеет мировым рынком. Английский промышленник делает свою страну „мастерской мира“. В 1860 г. газета „Таймс“ писала: „Вряд ли когда-либо и где-либо происходило большее накопление богатств, чем у нас за последние десять лет“.

Французская и немецкая буржуазия посильно идут за Англией в развертывании своей промышленности.

В 1848 г. во Франции длина железнодорожного пути равнялась 1832 км., а к 1870 г. было уже 17 440 км. За два года, с 1848 по 1850-й, было проложено свыше 7000 км рельсов. Вместе с тем растет кредит, открываются новые банки, создаются огромные акционерные предприятия, которые, правда, часто лопаются, но рядом появляются другие. Увлеченные жадой легкой наживы, средние и мелкие буржуа доверчиво несут свои сбережения денежным дельцам, теряют все, идут по миру, но иногда получают большие барыши. В общем буржуазия широко обогащалась. И это безмятежное

накопление, это счастливое пользование плодами угнетенного труда ничем не нарушалось. Никакая тень не появлялась на горизонте, не омрачала покоя победителей.

Ни забастовок, ни требований о повышении зарплаты, ни политических демонстраций.

Увлеченная успехами промышленности человеческая мысль обращает свои усилия на усовершенствование техники. В пятидесятых годах в одной Франции ежегодно выдавалось до 2000 патентов на изобретения. Механический токарный станок, паровой молот, строгальная машина были крупными техническими завоеваниями.

В 1855 г. англичанин Генрих Бессемер берет патент на свой способ получения литой стали. Этот способ ускоряет и удешевляет производство во много раз. В 1857 г. изобретена вязальная машина, в 1860 г. — холодильная машина, телефон, газовый двигатель.

Вот в эти годы буржуазия устами одного из своих экономистов уверенно заявляет:

„Капитал заставил науку служить себе и постоянно приводит к покорности мятежные руки труда“.

Так ли это было?

II. ТРУД. НАСТРОЕНИЕ РАБОЧИХ МАСС

Условия существования большинства рабочих не улучшились с ростом национальных богатств, они были попрежнему ужасны.

Вот свидетельства современников:

„В морском порту в Ливерпуле, прославленном по всему свету за величину и богатство, от 35 до 40 тысяч населения живет в подвалах, не имеющих вовсе стока“, т. е. все нечистоты остаются тут же, и грязная вода из уличных канав нередко затекает в эти жилища“.

Врач, обследовавший положение рабочих, занятых на английских хлопчатобумажных фабриках, приходит к убеждению, что их обычная пища по своей питательности стоит на таком низком уровне, что малейшее его понижение грозит голодной смертью.

Английский министр Гладстон в шестидесятых годах признает, что „в девяти случаях из десяти человеческая жизнь является тяжелой повседневной борьбой за существование“.

Другой современник утверждает, что в Лондоне „во время опьяняющей эпохи экономического прогресса“ голодная смерть стала бытовым явлением.

Во Франции „незаслуженная нищета замыкает подавляющее большинство честных и трудящихся людей в заколдованный круг, из которого они тщетно пытаются выбраться“.

При этом условия труда на континенте еще тяжелее, чем в Англии.

Прядильщики работают без перерыва пятнадцать часов, и свидетель-современник бесстрастно поясняет:

„Чтобы утолить жажду, к их шее привязана жестянка с водой. Это—единственное подкрепление за весь день“.

Рядом со взрослыми работают дети: не только подростки, но и дети пяти-шести лет. Ребенка привязывают к табурету, чтобы он не упал от усталости.

Рабочий класс в пору экономического расцвета страны вырождается физически. В тех местностях Германии, где много фабрик, не набрать рекрутов в армию: хилая, узкогрудая, истощенная молодежь не отвечает требованиям, предъявляемым к физическому развитию рекрута.

К сорока — сорока пяти годам рабочий изнашивается до того, что его больше не держат на производстве.

В рабочей среде смертность во много раз превышает смертность в рядах более состоятельных классов. Отчего это происходит?—спрашивают английские рабочие в одном обращении к обществу.

Отчего происходит усиленная смертность, истощение рабочих?—Ответ на такой вопрос ясен.

Но почему же в пятидесятых годах мы не видим рабочего движения даже в такой сравнительно свобод-

ной стране, как Англия, где притом же рабочий класс уже давно сложился?

Маркс называл английских рабочих „первенцами капиталистического развития“. Что же происходило в их среде? Неужели среди них не было никакого брожения в эти годы бурного капиталистического роста?

Дело в том, что положение разных слоев рабочего класса не было однообразным.

Английская буржуазия проявила известную гибкость. Огромные прибыли позволяли предпринимателям поделить кое-чем с верхушкой рабочего класса, с наиболее квалифицированными рабочими. Заработная плата растет. С конца двадцатых годов профессиональные организации не преследуются. Когда рабочие начинают борьбу за сокращение рабочего дня, у английских предпринимателей хватает осмотрительности чтобы уступить. Вводится десятичасовой рабочий день для женщин и детей в текстильной промышленности. Затем десятичасовой рабочий день распространяется на другие отрасли труда. Вводится фабричная инспекция, которая следит за тем, чтобы предприниматель не нарушал законов о труде. Группа интеллигенции идет в рабочую среду делиться знаниями. В Лондоне основан рабочий университет. Несколько лучших представителей науки, такие светила, как Гексли, физик Тиндаль, читают там лекции для огромной рабочей аудитории. Профессор Бисли становится во главе этого университета. И почти одновременно в разных частях Англии возникает ряд таких же рабочих школ. Их организация демократическая: управляют этими школами сами же рабочие. Наиболее энергичные из них, жаждущие знания, удовлетворены. Наряду с этим открываются народные библиотеки, издаются дешевые брошюры и журналы. Словом, налицо ряд усилий вырвать рабочих из-под власти „агитаторов“.

И к тому же казалось, что рабочие теперь узнали, как мирным путем изменить к лучшему экономическое положение широких масс. В этой атмосфере мирного

сотрудничества в годы, когда рост богатств остеплял верхушку рабочего класса, родилась и пышно расцвела в Англии кооперация. Достаточно сказать, что около половины существующих в настоящее время в Англии кооперативных организаций возникло именно тогда.

Дело взаимопомощи тоже разрослось очень мощно. В кассах взаимопомощи было более трех миллионов членов. Их капитал равнялся одиннадцати миллионам фунтов стерлингов (т. е. ста десяти миллионам рублей).

Верхушка рабочего класса охвачена кооперацией, охвачена школами и не плохо зарабатывает. И когда устами своих ученых буржуазия заявляет, что необходимо поддерживать мир в производстве, содружество между предпринимателем и рабочими, что от этого будет лучше той и другой стороне, верхушка пролетариата готова признать: да, при мирном развитии промышленности рабочий класс выигрывает, он может удовлетворить жажду знания, он больше зарабатывает, он удешевил свое питание благодаря кооперации. Постепенно кооперация освободит его от гнета капитала.

Стачки, обострение отношений могут скорее нарушить это благополучие.

В уставе английского союза бумагопрядильщиков говорилось:

„Задача союза—обеспечить его членам справедливое вознаграждение. Союз должен настаивать на исполнении фабричных законов, оказывать своим членам денежную помощь и *примирять рабочих с хозяевами, устранять стачки*“.

И не раз еще среди английских рабочих прозвучало слово:

„Интересы хозяев и рабочих не противоречат друг другу, а совпадают“.

В эти годы революционные вожди, недавние герои чартистского и коммунистического движения — О'Коннор, О'Брайан, Мак Дуаль, переносили тяжчайшие лишения,

голод и не находили поддержки. О'Коннор умер в 1855 г. нищим после тяжелой душевной болезни, и немногие его друзья не смогли даже собрать денег на могильный памятник ему. Пролетарское классовое сознание было приглушено.

Не только в Англии господствует среди рабочих такое примиренческое настроение. В эти годы и в других странах — та же нерешительная половинчатая деятельность.

В самом начале шестидесятых годов в Германии возникает „Рабочее общество самообразования“. Его члены готовы к объединению со всеми, кто „ставит своей целью свободу и величие немецкого отечества“. Будущий вождь германской социал-демократии **токарь** Август Бебель увлечен в это время мирной просветительной работой среди немецкого пролетариата. Он — председатель этого невинного общества.

Чтобы не пугать буржуазию, Бебель в эти годы считает лишним добиваться для рабочих даже избирательного права. Он считает, что усилия рабочих должны ограничиваться экономической помощью друг другу и расширением знаний в своей среде.

Либеральная буржуазия охотно поддерживает такие настроения. Городское самоуправление в Лейпциге оказывает денежную помощь Рабочему обществу самообразования.

Увлечению кооперацией немецкие рабочие тоже отдают дань. Буржуазный ученый Шульце-Делич усиленно пропагандирует в эти годы устройство потребительских и производственных кооперативов, и его идеи находят широкое сочувствие.

Во Франции Наполеон III, захватив власть в 1851 г., покровительствовал всячески финансовому капиталу, но в то же время стремился завоевать и симпатии рабочего класса.

„Голодный бунт стоит сражения с 200-тысячной неприятельской армией“, — говорил когда-то его дядя, Наполеон I.

Это запомнилось.

„Укрепить империю можно, только склонив на свою сторону рабочий класс“, — думал император. Рабочие общества взаимопомощи получали субсидии от правительства (для этой цели использовали состояние свергнутой в 1848 г. Орлеанской династии). Правительство поощряло также создание благотворительных обществ.

В Париже и некоторых других городах велись обширные работы по перепланировке и переустройству города. Двух зайцев убивала при этом империя: безработные — благодарный материал для агитаторов — получали работу, успокаивались. Широкие, прямые улицы, проложенные на месте извилистых, кривых, изломанных, узких переулков и тупиков, были неудобны для баррикадных боев и давали возможность смести артиллерийским огнем возведенные повстанцами укрепления. Эти „заботы“ правительства до известной степени достигали цели. К тому же непрерывный экономический расцвет начала пятидесятых годов, развитие промышленности сахарной, текстильной, металлургической, химической поглощали избыток рабочих рук. Для квалифицированных рабочих не было безработицы. В рабочих массах тлела надежда на продолжительную обеспеченность от нищеты. Казалось, лучше не подрывать достигнутого благополучия борьбой, результат которой сомнителен.

III. СТАЧКА СТРОИТЕЛЕЙ В АНГЛИИ

И однако мир в промышленности оказался нарушенным довольно скоро.

Бурный расцвет капитализма неизбежно влечет за собой перепроизводство и кризисы.

Уже к концу пятидесятых годов начался застой во всех делах. В 1857 г. разразился кризис.

Гавани Европы, склады крупных торговых городов по всему земному шару, куда только проникали европейские торговцы, оказались забитыми товарами. Отовсюду шли вести о том, что торговые фирмы перестают

платить своим кредиторам. Банкротство следовало за банкротством. Началось сокращение производства. Ряд фабрик и заводов остановился. Вместе с этим пришла безработица. Даже лучше обеспеченным кадрам рабочих, тем, кто верил в возможность мирным путем, в пределах капиталистического общества, достичь приличных условий существования, грозила нужда. Массы были обречены на нищету.

И тогда резко изменилось настроение в рабочей среде.

В Англии, в первой, открылась полоса стачек.

Начались они в той отрасли производства, которая как раз перед тем достигла особенного расцвета.

В середине XIX века не только классические для Англии туманы, но и дым фабричных труб густо заволакивал лондонское небо. С бурным ростом производства росло и население города. К концу пятидесятых годов в Лондоне было около 3.200 тысяч жителей (в 1851 г. жило всего 2 670 тысяч). За десять лет население увеличилось на полмиллиона.

Чтобы расселиться всему этому люду, прилившему в столицу на фабрики и заводы, в учебные заведения, в торговые конторы, на склады, на верфи, — нужно было новое строительство.

И в эти годы оно в Лондоне идет сказочными темпами. Вырастают на пустырях десятки огромных домов, возникают целые новые кварталы, сносятся старые. Капиталы приливают в строительство. Гонясь за скорой прибылью, подрядчики пускаются в спекуляцию: едва заложив фундамент, выведя первый этаж, берут ссуды у банков, скупают новые участки земли, закладывают новые постройки, чтобы вновь перехватить под них ссуду и бросить деньги на новые работы.

Чтобы не сорваться при таких операциях, нужен быстрый оборот капитала, нужна скорость в работе.

Нажим на рабочих растет, повышаются требования к производительности труда.

Рабочие отвечают требованием: свесги число часов

труда с десяти к девяти"; и заработная плата должна остаться прежней".

Хозяева не соглашались, и переговоры между ними и рабочими затягиваются больше чем на год.

И вот 21 июля 1859 г. лондонские строительные подрядчики оказались лицом к лицу с фактом, которого они, правда, могли ожидать, ибо отчасти сами его спровоцировали, но который оказался чреватых последствиями, очень нежелательными для них и для всей буржуазии.

Строительные рабочие разных специальностей — каменщики, плотники, штукатуры, маляры, столяры начали стачку. Сперва бастовала сравнительно небольшая группа рабочих, притом одной отрасли строительства. Но когда хозяева самонадеянно объявили локаут, ответом явилась общая стачка строителей.

Она очень быстро приняла характер крупного общественного события. Рабочие проявили упорство. Правда, был момент, когда они готовы были уступить; протерпевшись полгода, и ничего не добившись, они приступили к работам.

Но вскоре забастовка возобновилась, и с еще большими размахом.

Рабочие строители оказались хорошо организованными. Действиями их руководил объединенный комитет. Он выпустил обращение к обществу, в котором указывал на изумительный рост богатства буржуазии за последние годы и спрашивал: "Кому достается этот природный богатства? Мы видим, что не нам... Справедливо ли это? Ведь капитал создается трудом. Рабочие создают богатства. Им нужна только твердая воля, чтобы взяться за это дело..." Можно бы без всякого ущерба для капитала улучшить условия рабочих, — утверждали авторы манифеста, но "капитал не знает ни меры, ни сострадания".

"Джентльмены, мы не собаки, — предостерегающе говорил манифест, — мы стоим друг за друга. Вы жестоки к нам и хотите, чтобы мы были мягки с вами..."

Манифест этот так интересен по высказанным в нем взглядам, что из него стоит привести выдержки. Рабочие обрели независимый язык.

"Мы не хотим быть только орудиями и поэтому защищаем свои интересы. Насилие над нами не поможет. Это ясно: стачки разрастаются. Мы не взываем ни к вашим религиозным чувствам, ибо это было бы бесполезно, ни к вашему чувству гуманности, ибо оно молчит там, где речь идет о прибыли. Мы апеллируем именно к вашей жажде прибыли. Капиталисты играют в невыгодную игру. Они поступают против собственных интересов, когда так жестоко угнетают труд..."

Средняя жизнь рабочих — резюмировал манифест, — в два раза короче жизни богачей. Высокая и все растущая смертность в их среде вызывается чрезмерным трудом, бедностью, неблагоприятными условиями жизни и привычками, неизбежно вытекающими из обстановки, в которой они работают. Эта повышенная смертность — большая, исполненная опасностей, экономическая потеря", — доказывал манифест.

Богатство в своем росте настолько обгоняет рост населения, что можно уменьшить число часов труда и повысить заработную плату без ущерба для капитала".

Часть интеллигенции стала на сторону забастовщиков. Между тем как буржуазные газеты удивлялись солидарности рабочих, профессор Гаррисон и Бисли вели в печати защиту позиции, занятой рабочими. В то же время столяр Кремер, сапожник Оджер, Поттер, председатель объединенного комитета, и ряд других рабочих вождей, выдвинутых массами в этой упорной борьбе, вели пропаганду на митингах, критиковали возражения буржуазных экономистов, защищавших предпринимателей.

На одном митинге в Гайдпарке Кремер решительно заявил:

"Если политическая экономия против нас, мы выступим против нее".

Политическая экономия рабочего класса вступает в

борьбу с политической экономией буржуазии. Именно так Маркс расценивал это выступление рабочих. Эта борьба была началом борьбы между слепым законом спроса и предложения, который так отстаивала буржуазная политическая экономия, и между регулированием производства.

Рабочие других отраслей труда поддерживали стачечников. Пожертвования в пользу бастующих собирались по всей Англии.

Вот как об этом рассказывают историки английского профессионального движения.

„Для того, чтобы собрать все силы профессионального движения в помощь строителям, созваны были делегатские собрания организованных рабочих столицы. Пожертвования, которые поступали со всех частей страны, выявили наличность в распоряжении профессиональных обществ значительных финансовых резервов, о которых до того не подозревали. Лондонские рабочие производства пианино внесли 300 фунтов стерлингов. Рабочие производства английского хрусталя, которые только что сами закончили длительную стачку, послали такую же сумму. „Профессиональные комиссии“ создавались во всех промышленных центрах и передавали стачечникам крупные суммы. Глазго и Манчестер послали по 800 фунтов стерлингов, а Ливерпуль — свыше 500 фунтов стерлингов. Вновь образованная иоркширская федерация горнорабочих отправила 230 фунтов стерлингов. Котельщики, бочары и каретники внесли особенно значительные пожертвования. Сенсацию вызвал взнос „Амальгамированного общества механиков“, выразившийся тремя недельными пожертвованиями в размере 1000 фунтов стерлингов каждое. — событие, о котором долгое время с волнением вспоминали участники борьбы. Всего было собрано по подписным листам (за вычетом взносов обществ, непосредственно заинтересованных) около 23 000 фунтов стерлингов, — сумма, далеко превосходящая какую бы то ни было предшествовавшую подписку в пользу стачки“.

За границей, вплоть до далекой России, общественное внимание, не отрываясь, следило за „этой величественной борьбой между капиталом и трудом“. Из Франции пришла денежная помощь.

В конце концов организованные рабочие сломили упорство хозяев: был введен рабочий день в 9^{1/2} часов.

Необходимо отметить, что рабочими массами руководили в этой борьбе не выходцы из аристократии или из интеллигенции, какими были Роберт Оуэн и часть вождей чартистов, — массы выдвинули своих вождей: столяра Кремера, сапожника Оджера.

Председателем объединенного комитета был плотник Поттер, красноречивый агитатор.

После стачек 1859 — 1860 гг. Поттер основал рабочую газету „Улей“.

Сделан был и другой шаг в развитии рабочего движения: „по окончании этой замечательной борьбы все почувствовали, что необходимо что-то предпринять для образования общего комитета союзов, который мог бы в случае надобности тотчас же созывать представителей союзов для совещания и взаимной помощи“.

В результате возник Лондонский совет рабочих союзов.

Цело рабочей организации подвигалось вперед.

АБОНЕМЕНТ

Около этого же времени, вслед за кризисом, принявшим общеевропейский характер, произошла забастовка по всей Европе...

„Мир“ был нарушен и теперь надолго.

Передышка для буржуазии окончилась...

IV. ПЕРЕД ВОЗНИКНОВЕНИЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Итак, массовое рабочее движение возродилось.

Ряд событий будет теперь долго держать в напряжении рабочий класс.

Вслед за экономическим кризисом пришли крупные политические события.

В 1859 г. между Австрией и Италией началась война, в которой приняла участие и Франция.

В 1861 г. вспыхнула гражданская война в Северных Американских соединенных штатах.

Она началась на почве экономических трений между северными, промышленными штатами и южными, сельскохозяйственными.

Но в ходе ее встал вопрос о рабстве негров, — в рабском труде держалось земледелие в южных штатах.

Терпя в начале войны поражения от южан, северные штаты, чтобы привлечь симпатии негритянского населения, объявили в 1862 г. рабство уничтоженным. Американская усобица, возникшая из столкновения экономических интересов сельскохозяйственной и промышленной буржуазии, приобрела для европейского пролетариата интерес как борьба за уничтожение рабства.

Она стала „набатным колоколом для возродившегося рабочего движения в Европе“.¹

Год за годом приносил новые волнующие события. В 1861 г. в России было, наконец, уничтожено крепостное право.

В 1863 г. Польша, поработенная царской Россией, подняла восстание против царя.

Гражданская война в Америке тяжело отразилась на английской и французской текстильной промышленности: прекратился подвоз хлопка из-за океана. Осенью 1862 г. в Англии стояло больше половины веретен ткацких станков.

Не лучше обстояло дело и во Франции: „руанские хлопчатобумажники, прядильщики и ткачи севера, апретурщики, набивщики, красильщики материи из окрестностей Парижа, Лилля, Рубэ, Милюза — все терпели нужду, все пострадали“.

Немедленно в Лондоне был основан „Рабочий комитет помощи ланкаширскому бедствию“.

Во главе его стали те же люди, которые руководили стачечной борьбой в 1859 — 60 гг., Оджер, Кремер (их мы увидим и дальше, в еще более ответственных ролях, в деле еще более значительном).

Почти одновременно и во Франции начался сбор пожертвований в пользу безработных, в газетах было напечатано воззвание за подписями рабочих. Среди них стояло имя Толлена, с которым мы тоже дальше встретимся — при возникновении Интернационала.

Но помощь товарищам и собственные несчастья не мешали английским рабочим думать и об американских делах: начались выражения горячих симпатий Северу. Митинги происходили в Лондоне и в северной промышленности, фабричной Англии. Особенно внушительным был митинг 26 марта 1863 г. в Лондоне, в Сент-Джемс-холле.

Французский историк и участник революции 1848 г., буржуазный социалист Луи Блан передает свои впечатления от этого митинга. Для него, интеллигента, „Самая поразительная, самая оригинальная, совершенно из ряда вон выходящая особенность этого зрелища заключалась в том, что ораторами были простые рабочие: г-н Оджер — сапожник, г-н Говелль — каменщик, г-н Кремер — столяр, г-н Коннолли — каменщик-ирландец“.

Энергичные, настойчивые выступления рабочих, неутомимая агитация в пользу северян были тем важнее, что симпатии английского правительства и высших классов определялись не соображениями человеколюбия: поражение промышленного Севера открыло бы английскому капиталу неограниченное влияние в южных штатах, и Англия готова была поддерживать эти рабовладельческие южные штаты.

Повсеместные выступления рабочих поколебали эту решимость.

Польское восстание вызвало еще более энергичный отклик, еще больше энтузиазма.

¹ Слова Маркса в предисловии к I тому „Капитала“.

Оно началось в первые месяцы 1863 г., а 28 апреля в Сент-Джемс-холле под председательством профессора Бисли уже был огромный митинг.

Собравшиеся послали к министру Пальмерстону делегацию требовать выступления в пользу поляков.

Министр ответил, что вооруженное вмешательство одной Англии невозможно, — необходимо сговориться с Францией.

Тогда было решено устроить новый митинг совместно с французами, чтобы оказать давление на оба правительства. Это было тем естественнее, что французские рабочие уже пытались воздействовать в пользу Польши на своего императора, который впрочем не принял их делегации.

По обе стороны канала, отделяющего Англию от Франции, начались приготовления к встрече.

Собственно говоря, это была уже не первая встреча. Тут следует пожалуй вспомнить один эпизод: он не был решающим в подготовке к созданию Интернационала. Но он характерен для рабочего движения этого периода: в нем проявилась огромная тяга к международному единению.

Диалектика капиталистического развития не раз порождает положения, неудобные для капитализма. Буржуазия, развернув свою деятельность, смела национальные перегородки. Больше не существовало стенок между странами. Капитал интернационален. В самом деле: „в погоне за барышами буржуазия готова обегать весь земной шар. Всюду она пытается внедриться, всюду завязывает связи“. Для ткацких фабрик в Ланкашире хлопок привозят из Египта и Северной Америки.

Но к обмену сырьем и фабрикатами присоединяется обмен знаниями, достижениями.

В 1851 г. в Лондоне была устроена Всемирная промышленная выставка. За ней последовал ряд других — в Париже и опять в Лондоне.

Уже в 1851 г. французские предприниматели посы-

лали в Лондон своих рабочих — перенять усовершенствованные способы производства, присмотреться к машинам, каких не было во Франции.

В 1862 г., когда опять должна была открыться выставка в Лондоне, в мастерских Парижа шум: собираются кучки рабочих; ораторы появляются на столах; ведутся оживленные разговоры. Французский темперамент дает себя знать то вспышками негодования, то угрозами. Листовки ходят по рукам.

В чем дело?

Опять идет вопрос о посылке делегации на выставку в Лондон. Опять, как в 1851 г., и в то же время совершенно по-иному, идут приготовления. Тогда хозяева отобрали несколько человек рабочих по своему усмотрению. Теперь рабочие хотят выбрать свою делегацию, послать ее к „братьям по ту сторону Ламанша“.

Это были невиданные претензии, угрожающий признак какого-то сдвига в настроении. Промышленники были против. Префект полиции умолял императора не уступать.

Но рабочие развернули такую агитацию, проявили такую настойчивость, что пришлось согласиться, чтобы не раздражать пролетариат: император считал весь этот вопрос не слишком значительным и, верный себе, хотел играть роль человека, готового идти навстречу рабочим.

Посылая свою делегацию, рабочие собрали ей на дорогу деньги по подписке (дало и правительство, желавшее — раз уже выборы допущены — сохранить за собой опеку над делегатами).

В брошюре, выпущенной рабочими во время выборов, говорилось: „Прекрасен будет тот день, когда под влиянием развития братских отношений между народами можно будет сказать: Нет больше Ламанша!“

В адресе, прочитанном от имени французов в Лондоне, звучали такие призывы:

„Долой бессмысленную вражду между народами! Тру-

дящиеся классы всех народов должны итти рука об руку и сердце с сердцем, чтобы завоевать свободу единым своих усилий“.

Вернемся теперь к митингу по поводу Польши.

Настроение к этому времени шагнуло далеко вперед. Рабочий класс выступал как осознавшая себя политическая сила, пытался своим влиянием, своим весом воздействовать на дипломатию своих правительств.

Она до сих пор руководилась стремлением к насилию, грубостью, корыстью. Рабочий класс этой дипломатии должен противопоставить свою, разумную и справедливую. В связи с этим острее чувствовалась необходимость постоянного общения между рабочими разных стран.

Не довольствовавшись речами на митинге и встречей на другой день с французской делегацией, вожди английских профсоюзов решили отправить обращение-адрес к французским рабочим.

В нем перечислялись недавние злодеяния европейских правительств.

„В качестве средства положить конец теперешним насилиям мы призываем вас к созданию братства народов. Созовем собрание из представителей Англии, Франции, Германии, Италии, Польши и всех стран, в которых имеется воля к общей работе на пользу человечества. Созовем свои конгрессы для обсуждения великих вопросов, от которых зависит мир народов“.

„Наш лозунг — братство“.

Дальше в адресе говорилось:

„Пусть отныне смелые и мужественные люди, вооруженные огнем и мечом, не дают себя вести на убийства и разорение, чтобы удовлетворить жадность торговцев к золоту, министров — к постам, тиранов — к завоеваниям; пусть отныне они живут, чтобы видеть счастье в своей отчизне и чтобы помогать слабым, старым, покинутым“.

Под адресом стояли подписи:

За рабочий класс Англии — Том Грант Феспи (маляр), В. Р. Кремер (столяр), К. Годдард (переплетчик), Джон Эгглингтон (печатник), Джордж Оджер (сапожник)“.

Этот великодушный, гуманный адрес содержал и еще одно любопытное место: оно было в духе практических английских профсоюзов.

„Для дела рабочих, — говорилось в нем, — крайне необходимо братство народов, ибо каждый раз, как мы пытаемся улучшить свое положение путем сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, наши хозяева грозят нам, что выпишут французов, немцев, бельгийцев, которым отдадут нашу работу за меньшую плату... И мы с прискорбием должны сказать, — продолжает адрес, — что это действительно имело место, — не по злой воле наших братьев с материка, но из-за отсутствия правильной систематической связи между трудящимися классами всех стран“.

Мысль выражена достаточно ясно: рабочим надо встречаться ради практической борьбы за свои классовые интересы.

Эту мысль английского адреса нужно запомнить.

Рабочий класс, осознавший свою силу, привлекал теперь внимание революционеров разных оттенков.

Борец за свободу Италии от ига Австрии, знаменитый Гарибальди писал:

„Если народы Франции и Англии поймут свои обязанности и объединятся, великая задача будущего будет разрешена“.

Итак, рабочее движение разрасталось. Было много энергии, готовности к борьбе и к тому, чтобы стать на защиту угнетенных, помочь всем обиженным и устроить счастье всего человечества.

Недоставало одного.

Недоставало анализа движущих сил капиталистического общества, законов его развития...

Нужно было, чтобы кто-то их раскрыл перед рабочими, показал убедительно и ясно, какими путями и как его развитие и какую роль должен сыграть рабочий класс в этом обществе и в истории человечества вообще.

Получить руководящие идеи для борьбы за будущее и пройти практическую школу этой борьбы рабочему классу предстояло в Интернационале, во главе которого с первых дней его существования стал величайший мыслитель эпохи, творческая мысль которого притом же была направлена к разрешению практической задачи.

ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

1. ОСНОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Адрес англичан, который мы только что разбирали, был написан отнюдь не сразу после совместного с французами митинга в защиту Польши.

Тогда лишь наметили лиц, которые должны были его составить.

Только 5 декабря он наконец был напечатан в „Улье“. Написал его Оджер. Профессор Бисли перевел адрес на французский язык, и его отослали во Францию.

Ответ заставил себя ждать еще дольше — до осени следующего года.

Самые активные и передовые рабочие во Франции в это время были поглощены другой задачей.

Рабочее движение во Франции с начала шестидесятых годов опять переживало время подъема.

Одна за другой, несмотря на полицейские репрессии, появлялись профессиональные организации (синдикаты), происходили стачки.

Причина оживления была та же, что и в Англии. Кризис 1857 г. тяжело отозвался на положении рабочих и лишний раз показал призрачность их благополучия при капитализме. Раздражение масс нарастало.

Верный своей тактике заигрыванья с пролетариатом, Наполеон III счел нужным усилить заботы о его приручении. Разрешение послать делегацию на лондонскую выставку 1862 г. было вызвано именно этим желанием задобрить рабочих. На деньги императорской семьи стали издаваться газеты, в которых разбирались

вопросы труда и изо дня в день твердилось, что император — лучший друг рабочего класса.

„Объединимся вокруг императора, когда привилегированные классы удаляются от трона... Он оказывал поддержку обществам взаимной помощи, разрешил учредить ряд кооперативных обществ, заключил выгодные торговые договоры, начал обширные общественные работы; он не замедлит приступить к реформам о которых просят рабочие“.

Все это не мешало „дружественной к рабочим“ империи сохранять в силе закон Ле Шапелье, введенный буржуазией еще в XVIII веке, каравший за стачки как за уголовное преступление и запрещавший профессиональные союзы. С 1852 по 1864 г., за двенадцать лет императорское правительство устроило 885 процессов против стачечников...

При таких условиях передовая часть рабочих не шла на удочку. Усиление в эти годы и буржуазной оппозиции еще больше толкало пролетариат к выступлениям.

В марте 1864 г. должны были происходить выборы в Законодательный корпус от двух округов (районов) Парижа, и часть передовых рабочих впервые поставила себе задачей провести в Законодательное собрание депутата-рабочего. До сих пор они своими головами поддерживали кандидатов либеральной буржуазии; на этот раз положение должно было измениться.

Зима 1863—64 г. ушла на подготовку выборов.

Длительные заигрыванья императора с рабочими вызвали у либеральной буржуазии подозрение, что это выступления рабочих со своей кандидатурой спровоцировано двором, желавшим припугнуть буржуазию „красным призраком“. Чтобы рассеять эти подозрения, рабочие выпустили манифест, написанный Толленом и получивший название „Манифеста 60-ти“, так как под ним было шестьдесят подписей. В нем доказывалась необходимость рабочей кандидатуры, так как защитить интересы рабочих сумеют только они сами.

Без конца, до отвращения, повторяли, что нет больше классов: „С 1789 г.¹ все французы равны перед законом, — так говорили авторы манифеста, — но мы, не имея другой собственности, кроме своих рук, мы, обязанные ежедневно подчиняться требованиям капитала, мы, живущие под гнетом исключительных законов, вроде закона о союзах... — мы с трудом можем поверить этому утверждению...“

Манифест напоминал, что рабочие не всегда имеют возможность научиться читать; их жены принуждены нести чрезмерный труд, их дети в самом нежном возрасте „проводят свои годы в нездоровой обстановке фабрик“. Профессиональное образование недоступно им и составляет привилегию капиталистов. Где же равенство? „Мы не хотим помощи, мы хотим справедливости!“

Итак, были сказаны, казалось бы, сильные и нужные слова. Освобождение рабочих должно быть делом их самих.

Но рядом с этим авторы манифеста спешили заверить буржуазию, что они не посягают на права, „которыми справедливо пользуются средние классы“. Они только хотят себе завоевать такую же свободу, какой пользуются те. Они очень не хотят, чтобы их обвиняли в стремлении к имущественному равенству, к уравнию богатства и бедности. У них нет таких намерений.

Авторы манифеста проповедывали сотрудничество классов, а не борьбу. Путем этого сотрудничества они надеялись разрешить социальный вопрос...

Это надо запомнить, чтобы учесть, каков был уровень классовой сознательности рабочих накануне возникновения Первого Интернационала...

Кандидатура рабочих успеха не имела. Толлен в Законодательный корпус не прошел, несмотря на то, что за него высказался ряд видных республиканских деятелей.

¹ Начало Великой Французской революции.

Даже в самой рабочей среде были голоса — и значительные числом — за то, чтобы не выставлять отдельной кандидатуры, а голосовать за буржуазного депутата. И эту несамостоятельность рабочих надо отметить.

Вот эта борьба за рабочую кандидатуру на выборах в Законодательный корпус послужила причиной того, что ответ французов заставил себя так долго ждать.

Наконец в сентябре 1864 г. в рабочей газете „Улей“ основанной Поттером во время знаменитой стачки строителей и за три года ставшей самой распространенной рабочей газетой, появилось объявление:

„В среду вечером 28 сентября в зале св. Мартина состоится публичное собрание, на котором депутаты от парижских рабочих прочтут ответ на адрес и английских братьев и изложит план наилучшего соглашения между обоими народами“.

В другом номере газеты английские рабочие от имени устроителей митинга приглашались оказать „братьям из Франции сердечный прием“.

28 сентября вечером огромный средневековый зал св. Мартина был переполнен до духоты. На митинг были приглашены представители разных национальностей, эмигранты, живущие в Лондоне.

Председателем митинга был избран профессор Бисли.

В своем вступительном слове он громил захватническую и жестокую политику европейских правительств. В том числе досталось и Англии. Оратор призывал народы бороться с этим злом во имя справедливости. После этой речи прочли уже известный нам адрес англичан.

В ответном адресе французов, который под общими возгласы восторга прочел Толлен, тоже говорилось о готовности к борьбе за справедливое дело и высказывалась надежда, что рабочие принесут освобождение миру.

„Братья и друзья!

Да, вы правы, — чувство, собравшее нас, — верный признак будущего, благоприятного для освобождения народов...

Опоишем свои чресла и будем радостно готовиться к борьбе. Голос народа должен быть слышен во всех важных вопросах политического и социального характера...

Рабочие всех стран, желающие быть свободными, теперь настал ваш черед созывать конгрессы“.

Дальше французы предлагали обсуждать вопросы о развитии промышленности, о свободе труда...

„Спасем себя путем солидарности!“ — так заканчивался адрес французов.

После всех приветствий, речей, музыкальных номеров принята была резолюция об учреждении товарищества, знаменующего рабочую солидарность.

Разработать его устав поручили особому комитету, который тут же избрали.

Рождение Первого Интернационала, предшественника Коминтерна, свершилось.

И как видно из всего рассказанного, создание его было делом рабочих от начала до конца. Замысел, его осуществление — все было делом самих рабочих.

Во время митинга среди представителей разных эмигрантских кружков от немцев присутствовали портной Эккартс и доктор философии Карл Маркс.

Приглашенный „почтить митинг своим присутствием“ — он получил записку от Кремера, который был одним из устроителей митинга, — он с речами не выступал. По его собственным словам, он просидел весь вечер и „как немая фигура“.

Зато в комитете, которому было поручено выработать устав общества, он сразу стал главным действующим лицом.

Маркс уже около четырнадцати лет жил в Лондоне. После подавления революции 1848 г. ему нельзя

было оставаться в Германии. Он провел некоторое время во Франции, подвергся преследованиям восторженной здесь реакции, перекочевал в Лондон и обосновался в нем.

Туда же вскоре собрались почти все члены Союзного Коммунистического движения.

Учитывая недавний опыт революции, Маркс считал, что ждать скорого подъема революционного движения не приходится. Революция 1848 г. разразилась вслед за экономическим кризисом 1847 г., охватившем всю страну. В начале пятидесятых годов в Европе наступил экономический расцвет. К тому же после 1848 г. огромные массы рабочих эмигрировали в Америку, в Австралию, где были открыты золотые рудники.

По выражению Энгельса, „в иные годы лучше заниматься трудом в некотором одиночестве, пока придут другие времена и другие люди“.

Так и делал Маркс.

В эти годы реакции и затишья, стоя довольно далеко от эмигрантской среды, он с огромным напряжением работал над основным трудом своей жизни — как собирал материалы, обрабатывал первый том „Капитала“.

Одновременно он сотрудничал бесплатно в одной из лондонских газет и для заработка писал корреспонденции в американскую газету „Нью-Йоркская трибуна“.

Заработок, впрочем, был невелик, и семья Маркса сильно нуждалась в эти годы. Жена его то и дело закладывала вещи в ломбард. Сам он то с юмором сообщал друзьям, что ему не на что купить газету или не в чем выйти из дому, так как сапоги или брюки попали в заклад.

Впрочем все эти беды никогда не заставляли его забыть хоть на день про свое основное дело, уйти в работу ради заработка.

„Нельзя допустить, чтобы буржуазное общество обратило вас в машину для добывания денег“, — говорил он.

30

Отделяясь наскоро от житейских забот, он свою энергию отдавал в эти годы мышлению, создавая теорию, которая должна была стать сильнейшим орудием в борьбе пролетариата.

Эта работа давала огромное наслаждение Марксу, вообще преклонявшемуся перед силой человеческого ума. „Человеческая мысль, — говорил он, — даже преступная мысль злодея, возвышеннее и значительнее, чем все чудеса неба“.

При этом „мысль Маркса всегда вела к действию“. И когда возникло Первое международное общество рабочих, Маркс принес и свою энергию, и выкованную в это время теорию для руководства новой пролетарской организацией.

„Он с несравненным талантом собрал и повел войско, которому суждено перевернуть мир“.

Что толкнуло его именно сейчас вернуться к практической работе революционера?

Описывая Энгельсу знаменитый митинг, он говорил: „Я знал, что на этот раз выступали настоящие силы с лондонской, так и с парижской стороны. И поэтому решил отступить от своего правила уклоняться от всяких выступлений“.

„Выступали настоящие силы“, т. е. сами рабочие взяли за дело, проявлялось массовое рабочее движение, и старый революционер не мог оставаться в стороне. Он был увлечен возрождавшимся движением.

II. „УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ АДРЕС“ И УСТАВ

Итак, обострение классовых противоречий на почве экономического кризиса в конце пятидесятых годов, возрождение массового рабочего движения, пробуждение политической активности пролетариата, его интереса к международной жизни создали благоприятную почву для международного объединения рабочих.

Но вновь возникшая организация требовала умелого руководства.

Она могла принести огромную пользу делу пролетариата лишь при условии, если она будет иметь в виду классовые цели и станет на классовую почву, осознав свой путь.

Таким умелым, вооруженным знаниями руководителем мог быть вероятно только один человек. Тот, который просидел „как немая фигура“ на митинге, почитались торжественные речи и звучали великодушные и неопределенные призывы бороться против насилия и несправедливости во имя общего счастья.

Теперь главная роль должна была перейти к нему. Именно к нему.

Знакомый, как никто, с положением рабочих, изучив массу фактов по отчетам английских фабричных инспекторов и парламентских комиссий, он, собирая огромный материал, изучал общие законы развития капиталистического общества и умел поставить в связь одно с другим. Он был вооружен и фактическими знаниями географией.

Однако руководство было не легким. Комитет, избранный 28 сентября 1864 г. для оформления задач устава новорожденного общества, был довольно многочисленным и главное — очень пестрым по составу. В него вошли люди противоположных взглядов и политических навыков: старые чартисты, сторонники политический выступлений пролетариата и представители профсоюзного движения, считавшие возможной и допустимой только экономическую борьбу; кроме того были люди, поглощенные совершенно другим: поляки, интересовавшиеся не рабочим, а главным образом национальным вопросом, итальянцы, которые ждали от рабочих поддержки национальному освободительному движению в Италии. Вошли члены бывшего союза коммунистов, но рядом были буржуазные радикалы.

От собрания 28 сентября комитет не получил никаких указаний: устав, имя, — все надо было придумать. Не было и помещения у нового общества. На первых порах пришлось воспользоваться гостеприим-

ством одного буржуазного международного общества, члены которого предлагали объединиться с ними.

Приятель Маркса, Эккартс и один англичанин, старый чартист, настояли на том, что общество будет называться „Международным товариществом рабочих“, — это определяло классовый характер новой организации. Вслед затем им предложили искать себе другое помещение. Тогда комитет перекочевал в маленькую комнату в рабочем квартале.

Тем временем Маркс — ему это было поручено — выработал устав нового общества и предложил написать манифест к рабочим всего мира, чтобы объяснить задачи новой организации и ее пути. Дело было не легкое, как мы только что сказали.

Рабочее движение, недавно вышедшее из полосы застоя, было еще слишком робким.

Вспомним, как „Манифест 60-ти“ заверял буржуазию, что рабочие не собираются посягать на ее права, а уставы английских профсоюзов считали своей задачей разрешать столкновения с капиталистами мирным путем.

Шестнадцать лет назад в „Коммунистическом манифесте“ говорилось:

„Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя“. Конечно, эти слова „Коммунистического манифеста“ нельзя было бы повторить теперь. Тогда было другое время. Революционный взрыв назревал в доброй половине стран Западной Европы. Повторить же их теперь — значило бы испугнуть доверие, оттолкнуть от новой организации рабочие массы, в пятидесятых годах отошедшие от политики. На это Маркс, конечно, не шел и не мог идти. Ему важно было для начала сохранить единый фронт пролетариата. Нужно было выработать такую программу, которая, по словам Энгельса, не закрывала бы дверей ни перед английскими трэд-юнионами, ни перед французскими, бельгийскими, итальянскими

прудонистами, ни перед немецкими сторонниками "Ласалей"¹.

Маркс этого достиг. Он писал Энгельсу:

"Нужно время для того, чтобы вновь воскресшее движение приобрело былую смелость языка. Нужно говорить сильно по существу и мягко по форме".

Он начал манифест с утверждения, которого никто не мог оспаривать, и выставил такие требования, вокруг которых могли бы объединиться даже и те рабочие, которые были в плену у мелкобуржуазной идеологии и не решались говорить о классовой борьбе.

"Товарищи рабочие! — начинается манифест: — весьма важен тот факт, что с 1848 г. по 1864 г. нужда рабочего класса не уменьшилась, а между тем этот период не развитию промышленности и росту торговли не имел себе равного в истории..."

Вспомним, что во время забастовки 1859—60 г. английские рабочие уже отмечали этот факт, — из прироста национальных богатств рабочие не получают своей доли.

Маркс подчеркнул это резко, определеннее поставил вопрос.

Он очень остроумно использовал недавний доклад министра², в парламенте. Английская торговля — ввоз и вывоз — достигла в 1863 г. огромной суммы в 443 955 фунтов стерлингов, что превышает почти в три раза торговый оборот 1843 г., а заработная плата не повышается, и человеческая жизнь в девяти случаях из десяти является повседневной борьбой за существование, — утверждал министр.

Дальше в манифесте приведен Марксом ряд выдержек из официальных документов, из отчетов парламентских комиссий, рисующих бедствия рабочих.

Нарисовав эту убедительную картину угнетения, гнета, капитала Маркс указывает и на некоторые достижения рабочих: они добились 10-часового рабочего дня; развилась кооперация. Введение законодательных

путем 10-часового рабочего дня было "победой политической экономии рабочих", требовавших подвергнуть общественному контролю производство, — победой над политической экономией буржуазии, настаивавшей на свободе отношений рабочих и хозяев.

Другим достижением была производственная кооперация. Но, чтобы освободить всю массу рабочих, — предупреждает Маркс, — кооперативное производство должно быть распространено на всю страну, а этого конечно не допустят капиталисты, которые будут пользоваться своими политическими преимуществами, чтобы препятствовать развитию кооперативного движения, как не допустят они всякого сколько-нибудь серьезного улучшения в положении рабочих.

Какой отсюда вывод?

"Первая задача рабочего класса заключается в захвате себе политической власти. Рабочие начинают понимать это, потому что подобное общее их стремление проявилось разом в Англии, в Германии, в Италии и во Франции, и вследствие того возникли вновь усилия рабочей партии политическую организацию".

"Рабочие обладают одним важным элементом успеха — своей численностью; но численность только тогда приобретает значение, когда она объединена и направлена к сознательной цели".

"Руководясь этим сознанием, рабочие разных стран создавали публичный митинг в зале св. Мартина 28 сентября 1864 г. и решили основать Международное товарищество..."

Так манифест объясняет возникновение новой организации, подводит под нее фундамент. О необходимости классовой борьбы, о коммунизме как конечной задаче, в манифесте нигде не говорится прямо, как это шестьдесят лет назад говорилось в "Коммунистическом манифесте".

"Время такое, что надо быть умереннее на словах".

Но, не высказывая прямо некоторых мыслей, манифест подводит к ним читателя, предоставляет ему самому

¹ О Лассале см. в VIII гл.

² Канлиера казначейства, т. е. министра финансов, Гладстона.

сделать вывод о том, что для иного распределения богатств должен быть изменен общественный строй. Распоряжение этими богатствами должно быть изъято из рук буржуазии.

В самом конце манифеста Маркс сказал несколько слов о том, что „рабочее объединение будет отстаивать общие естественные законы нравственности и справедливости“, защищать их от посягательств правительства.

„Пришлось вставить в устав и программу, — писал он другу, — несколько таких словечек, как: право, нравственность и справедливость, но они вставлены так, что не могут принести вреда...“

Что Маркс хотел этим сказать?

Какой вред они могли принести? — Затемни классовое сознание рабочих, подставив общечеловеческие и якобы неизменные идеалы и побуждения на место классового сознания. Маркс хотел, чтобы рабочий класс понял, что и право и справедливость меняются в зависимости от социальных условий, что в эти понятия каждый класс вкладывает свое содержание.

Во всяком случае, Маркс сумел изложить и „Учредительный адрес“ и „Устав“ так, что было ясно: социализм вытекает не из идеалов справедливости, а из самих условий экономического развития общества. Он неизбежен, следующий за капитализмом, этап его.

И в Уставе и в „Учредительном адресе“ он это достиг...

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ — заканчивается манифест.

Манифест этот получил название „Учредительного адреса“.

Одновременно с ним был выработан Марксом принят комитетом и устав Международного товарищества рабочих.

Вот начало устава:

„Принимая во внимание, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса, что борьба за освобождение рабочего класса означает в

борьбу за классовые привилегии и монополии, а борьбу за равные права и обязанности и уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение монопольному владельцу средств производства, т. е. источников жизни, составляет основную причину рабства во всех его видах, социальной нужды, духовного унижения и политической зависимости;

что поэтому экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к достижению этой великой цели, оставались до сих пор безуспешными вследствие недостатка единодушия между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза между рабочими классами различных стран;

что освобождение рабочего класса есть не местная только или национальная, а специальная задача, обнимающая все страны, в которых существует современное общество, задача, которая может быть разрешена лишь путем взаимного, практического и теоретического содействия наиболее передовых стран;

что возобновление движения рабочих классов в наиболее промышленных странах, возбуждая новые надежды, дает вместе с тем торжественное предостережение против повторения старых ошибок и заставляет стремиться к немедленному объединению всех, пока еще разрозненных усилий.

Вследствие этого нижеподписавшиеся члены комитета, избранного по постановлению публичного митинга, состоявшегося 28 сентября 1864 г. в Сен-Мартин-холле в Лондоне, приняли необходимые меры, чтобы основать международную рабочую ассоциацию“.

В программе ВКП(б) эти пункты повторены почти дословно.

Что в сущности было выражено в этих двух документах? Англичане ждали от новой организации устра-

нения конкуренции среди рабочих, видели средство борьбы с хозяевами, словом ставили чисто практическую, узкую задачу. Французы хотели устроить обмен мнений на тему о развитии капитализма, о защите рабочих от последствий промышленного прогресса. Маркс устанавливал для международной рабочей организации совершенно иные задачи:

- 1) Завоевание политической власти рабочим классом
- 2) Необходимость самостоятельной политической организации рабочих.

- 3) Политическое движение рабочих должно быть подчинено как средство экономическому их освобождению.

- 4) Задачи пролетариата могут быть достигнуты только при условии единения пролетариев всех стран.

По уставу во главе нового общества должен был стать Генеральный совет из представителей рабочих организаций разных национальностей. Ежегодно должны были созываться конгрессы, перед которыми он должен был отчитываться. В состав Международного товарищества принимались и различные секции, и рабочие организации, и всякий, кто принимает и разделяет принципы Международного товарищества рабочих.

Председателем Генерального совета стал Оджер, генеральным секретарем — Кремер. Маркс, заняв скромное место секретаря немецкой секции, фактически руководил организацией.

III. ПЕРВЫЕ ШАГИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА. КАК ФРАНCUЗСКИЕ РАБОЧИЕ СМОТРЕЛИ НА СОЦИАЛЬНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Зима 1864—65 г. прошла в хлопотах по созданию организации общества в налаживании связей с рабочими разных национальностей, в вербовке новых членов.

Маркс не жалел себя. В письмах к Энгельсу он жаловался, что работа по организации Интернационала давит на него „как настоящий кошмар“. Эти сетования не мешали ему отдавать много времени Интернацио-

налу, хотя он и болел в эту зиму и усидчиво работал над основным своим трудом (над „Капиталом“).

Он тесно сблизился за это время с английской секцией Интернационала, читал ее членам доклады (например о заработной плате, цене и прибыли).

Новая организация откликалась на события международной жизни. В Америке заканчивалась гражданская война, за которой с таким вниманием следили английские рабочие, не допустившие свое правительство помочь южным (рабовладельческим) штатам. От имени Интернационала Маркс составил приветственный адрес вождю северян, президенту Линкольну, „простому сыну рабочего класса“.

Принимало очень деятельное участие новое общество и в борьбе за избирательную реформу, развернувшуюся в это время в Англии.

Весной 1865 г. Маркс с удовлетворением сообщил Энгельсу, что в комитете по борьбе за всеобщее избирательное право — „все рабочие члены нашего Генерального совета (среди них Эккартс)...

„Если эта попытка вновь наэлектризовать политическое движение в английском рабочем классе удастся, — писал он, — то наша ассоциация, не поднимая шума, сделает для европейского рабочего класса больше, чем было бы возможно каким либо другим путем“.

Осенью того же года должен был собраться в Брюсселе первый конгресс. Но работа по организации Интернационала еще слабо подвинулась вперед. Кроме того, реакционная политика бельгийского правительства была препятствием для съезда в Брюсселе. Поэтому вместо конгресса состоялась в Лондоне конференция представителей разных стран. Маркс хотел сговориться в сравнительно ограниченном кругу. Конференция должна была носить подготовительный характер к будущему конгрессу.

На ней произошел подсчет сил и выяснение финансовых возможностей.

Последние оставляли желать многого. За первый

Год было собрано около 33 фунтов стерлингов (330 рублей на наши довоенные деньги).

Тут же скажем, что и во все время своего существования Первый Интернационал нуждался в деньгах. Много лет спустя Энгельс писал, что Генеральный совет был больше долгами. В данное время ему не только было даже напечатать устав Интернационала на трех важнейших европейских языках.

На конференции Кремер предупреждал, чтобы на континенте не считали, будто английские профсоюзы богаты и могут дать много на расходы Интернационала. Не слишком много вступает и членов в Интернационал. Английские рабочие, правда, увлечены борьбой за избирательное право, но вообще-то последние годы он отрицательно относится к политическим выступлениям, ограничивая свои усилия повседневной борьбой с предпринимателями.

Зато Толлен сообщал более утешительные вести из Франции. Французская секция была организована сразу по его возвращении во Францию. Были переведены на французский язык устав и „Учредительный адрес“. На улице Гравилье, где поместилась секция, потянулся приток желающих вступить в ее члены. Новое общество встретило широкое сочувствие, хотя гнет бонапартовской полиции и мешает развитию пропаганды товарищества. Делегат Швейцарии тоже смотрел радужно: в Швейцарии в Интернационал вступает много членов.

Однако Маркс склонялся к тому, что базой будут английские профсоюзы. Они были тогда единственно в Европе массовой организацией. Если в пятидесятые годы у них выработалась привычка сторониться от политической борьбы, то в недавнем прошлом, в сороковые годы, они прошли героическую школу чартистского движения. При том же у них был солидный опыт профессиональной борьбы, поэтому Маркс рассчитывал легче договориться с ними о задачах и о тактике международного рабочего движения. От француз

зов он, напротив, ожидал всяческих осложнений не смотря на видимый успех у них новой организации.

Во Франции, действительно, Интернационал сразу завоевывал популярность среди революционно настроенной интеллигенции. „Почти все уцелевшие члены республиканских обществ, разогнанных империей, спешили записаться на улице Гравилье“ — рассказывает один из первых членов Парижской секции. „Врачи, литераторы, промышленники, военные, чиновники предлагали свои услуги“.

Что привлекало в новое общество представителей буржуазной интеллигенции?

Находясь в оппозиции империи, они искали союзников. Революционно-классовый характер новой организации не был им ясен. Казалось, что ее задача — самопомощь рабочих. Ведь говорилось же в уставе Интернационала, что „освобождение рабочих должно быть делом их самих“. Далеко не все понимали, какой смысл вкладывался в эти слова руководителем Интернационала. Буржуа предполагали, что этих рабочих, стремящихся путем взаимной помощи облегчить свое тяжелое положение, можно использовать для совместной борьбы против деспотизма в интересах буржуазии.

Такие союзники не были нужны Интернационалу. Да и они скоро разглядели его истинную задачу и стали уходить из него.

Но мог ли Интернационал найти прочную базу в рабочих массах Франции?

Во Франции развитие капитализма шло гораздо медленнее, нежели в Англии, и в середине XIX века здесь еще преобладали мелкие предприятия.

В шестидесятых годах в Париже из 64 880 предприятий больше половины принадлежало мелким хозяйчикам, работавшим в одиночку или с одним рабочим. Больше одной трети держали от двух до десяти рабо-

чих и только в одной шестой было более десяти рабочих¹.

В этой мелкобуржуазной среде господствовали мелкобуржуазные полусоциалистические взгляды.

„Властителем дум“ французских рабочих был Пьер Жозеф Прудон. Наборщик по профессии, сын крестьянина, самоучка, он рано прославился своей книгой „Что такое собственность?“. Он доказывал в ней, что „собственность — это кража“. Она создается путем присвоения капиталистом продуктов труда рабочих.

Прудон учил рабочий класс самостоятельно отстаивать свои интересы, не ища союза с буржуазией и не полагаясь на поддержку буржуазного государства. В этом была большая заслуга Прудона: он учел опыт 1848 года, когда буржуазия предала рабочий класс.

Но вместе с тем учение его было мелкобуржуазным и питалось той социальной средой, с которой еще не порывало значительное большинство рабочих.

Он был противником не всякой собственности, только крупной и стремился к защите мелкого производителя, страдающего от развития капитализма. Для этого, по его мнению, нужно было изменить систему кредита и обмена. Надо давать ссуды мелким производителям, чтобы поддерживать их в борьбе с капиталом. Надо установить обменный банк, где производители будут обмениваться своими продуктами.

Путем взаимной помощи трудящиеся сумеют создать новые социальные отношения. Со временем экономический союз производителей товариществ заменит теперешний общественный строй. Государственной власти, т. е. политической организации не будет. Произойдет все это мирным путем — путем постепенного вращивания социализма в капитализм.

Прудону были чужды идеи социальной пролетар-

ской революции, политического господства пролетариата. И в сущности, проповедуя мирное вращивание социализма в капитализм, Прудон оставлял пролетариат безоружным перед лицом классового врага. Это было тем опаснее, что идеи его находили много последователей.

„Прудон принес громадный вред, — писал Маркс. — Сначала его призрачная критика и его призрачное отличие от утопистов (сам он представляет собой мелко буржуазного утописта), его критика захватила и подкупила блестящую молодежь, студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготеют к старому строю, сами того не замечая“. (Письмо к Кугельману от 9 октября 1866 г.).

Однако, когда говоришь об идеологии французских рабочих этого периода, нельзя умолчать и о другом имени, о другом вожде, воззрения которого резко расходились со взглядами Прудона.

Имя Бланки вызывает воспоминание о ряде смелых заговоров, отчаянных попыток произвести переворот. Значительная часть его жизни прошла в тюрьмах. Отбыв наказание или выйдя по амнистии, он принимался за организацию новых заговоров. „Вечный узник“ был неутомимым заговорщиком.

Идеи Бланки сводились к следующему:

Он — сторонник революционного коммунизма.

Никакие кооперации, производительные товарищества не разрешают рабочего вопроса в рамках капиталистического общества. В этом отношении он резко противопоставляет свои воззрения сторонникам „реальной рабочей политики“, политики малых дел и постепенных завоеваний.

„О сила, повелительница баррикад... к тебе простирают узники свои скованные руки, к тебе вызывают угнетенные!“ — говорил один из его учеников.

Победоносное восстание должно отдать в руки трудящихся власть и, следовательно, распоряжение всеми богатствами страны.

¹ Вот точный подсчет в процентах. Из 64 880 предприятий было 50,2% таких, где работал сам хозяин единолично или с одним рабочим; 38,8% — где было от двух до десяти рабочих, 11% — где насчитывалось свыше десяти рабочих

После переворота устанавливается диктатура революционных масс.

„В пасть капиталу будет крепко забит кляп“.

Тогда начнется строительство нового общества. Возникнут ассоциации трудящихся, — это „последнее слово коммунизма“.

В учении Бланки характерен и близок нашему времени этот взгляд на необходимость захвата власти и установления диктатуры.

Но вместе с тем Бланки не понимал роли пролетариата в строительстве социализма. Диктатура, которую он отстаивал, — это диктатура народных масс вообще.

Основа будущего коммунистического строительства для него лежала не в экономическом развитии и не в росте пролетариата, а в общем просвещении. Социализм придет не потому, что его победа предопределяется ходом капиталистического развития, а потому, что люди станут образованными.

„Всеобщая образованность без коммунизма и коммунизм без всеобщей образованности невозможны“.

За всю свою жизнь Бланки не отошел от этой утопической точки зрения. Не понимал Бланки и значения массового пролетарского движения для подготовки социальной революции. По его мнению для победоносной коммунистической революции достаточно кучки заговорщиков, преданного самоотверженного штаба.

Идеи Бланки, его влияние не были особенно распространены. Сторонники его вербовались главным образом из рядов студенчества и вообще интеллигенции.

И Толлен и большинство членов французской секции Интернационала были прудонистами.

Широкое распространение идей Прудона во Франции понятно, если вспомнить, каковы были состав французского пролетариата и особенности капиталистического развития Франции.

Учитывая, все это, Маркс предвидел, какая трудная борьба предстоит за руководство рабочим движением

Он состоялся в первых числах сентября 1866 г. в Женеве. Съехались представители от Англии, Франции, Германии, Швейцарии, всего 60 человек, — от 25 секций и 11 кооперативных товариществ, входивших к этому времени в Интернационал. Маркс не мог поехать на него, так как он заканчивал в это время I том „Капитала“ и не хотел отрываться от этой работы, не менее важной для пролетариата. Кроме того, он много болел в этот год. От Генерального совета на конгресс поехали Оджер, Кремер, Эккартс.

Конгресс начался шумно. Из Франции приехали сторонники Бланки, не входившие в Интернационал. Не имея мандатов, они настойчиво требовали участия в заседаниях. Дело дошло до настоящего побоища. Наконец, бланкистов выставили вон.

И тогда потекли уже более мирные заседания, хотя и не без горячих словесных схваток, ибо точки зрения были во многом противоположны.

Прежде всего был поставлен на обсуждение устав Интернационала. Прудонисты предлагали закрыть в него доступ лицам умственного труда. Такая постанова вопроса соответствовала враждебному и недоверчивому отношению к интеллигенции, которое было принято прудонистам их учителем и до известной степени оправдывалось не раз испытанным предательством интеллигенции. Но таким образом рабочая организация с первых своих шагов нанесла бы себе непоправимый ущерб, лишая себя лучших умственных сил. Достаточно сказать, что, — пройди такое предложение, — Маркс не смог бы оставаться в рядах Интернационала. Англичане протестовали, и конгресс провалил предложение прудонистов.

Устав в редакции Маркса с некоторыми дополнениями был утвержден конгрессом. Рабочая организация получила централизованное демократическое устройство.

Вслед затем начались прения по отдельным вопросам

программы и тактики, причем и французы и англичане привезли обстоятельные доклады — каждая делегация по тем вопросам, которые казались ей наиболее существенными для сознания масс, которыми они собирались руководить.

Французы, отражая взгляды Прудона, настаивали на организации дарового (беспроцентного) кредита, на широком развитии кооперации и обмена на началах взаимности. К этому для них сводились все задачи proletariata. Они отрицали борьбу с хозяевами, стачки даже необходимость организации профсоюзов. Законодательство об охране труда казалось им излишним.

Доклад лондонской делегации был написан Марксом. Он, по его словам, намеренно „его ограничил“ какими-то пунктами, по которым рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок к развитию“.

Вопросы, которые он наметил к обсуждению на конференции, были. 1) о профсоюзах и стачках, 2) об ограничении рабочего дня, 3) о детском труде и 4) о борьбе с русским влиянием в Европе.

В блестящем и сжатом очерке Маркс выяснил историческую необходимость профсоюзов, их роль в защите труда от гнета капитала.

После долгих споров резолюция, принятая конференцией, повторила то, что было в докладе.

„В капиталистическом обществе, где за предпринимателем стоит организованная сила общества, рабочий располагает только своей личной силой, и потому он всегда угнетен. Никакой свободы договора в действительности не существует: рабочий принужден принимать условия нанимателя, если не хочет умирать с голоду. Единственной силой рабочих является их численность, но и эта сила нарушается их разъединением конкуренцией между ними“.

Профессиональные союзы возникли из попытки

устранить эту конкуренцию, чтобы добиться таких условий труда, которые помогли бы рабочим подняться выше положения рабов“.

До сих пор непосредственная задача профсоюзов ограничивалась обыденными нуждами рабочих — вопросами заработной платы и продолжительностью рабочего дня. Эта деятельность законна и неизбежна в капиталистическом обществе. Профессиональные союзы должны распространиться во всех странах.

Но, „помимо своих первоначальных задач, — говорит резолюция, — они должны учиться действовать сознательно, как *организующие центры рабочего класса в интересах его полного освобождения*. Они должны помогать всякому социальному и политическому движению, стремящемуся к этой цели. Смотри на себя как на борцов и представителей всего рабочего класса и действуя в соответствии с этим, они должны привлекать в свои ряды всех рабочих... Они должны убедить весь мир, что их усилия не только не являются узкими или эгоистическими, но наоборот направлены на освобождение миллионов угнетенных“.

Так определяла резолюция Женевского конгресса задачи и значение профсоюзов.

Если вспомнить, как Ленин определял их задачи („профсоюзы должны быть школой коммунизма“), то ясно, как велико было значение этой резолюции для сознания рабочих масс.

Как ни странно покажется это современному читателю, но споры возникли и по поводу предложения лондонской делегации добиваться восьмичасового рабочего дня.

В докладе Маркса законодательное ограничение рабочего дня признавалось „предварительным условием без которого должны оставаться бесплодными все дальнейшие попытки улучшить положение рабочего класса и освободить его“.

Среди прудонистов однако нашлись такие, которые признавали нормальным десятичасовой рабочий день

Кроме того, прудонисты протестовали против самой постановки вопроса. Им казалось: таким путем рабочий класс обращается к помощи государства, приходит в соприкосновение с ним, служит его целям. Рабочие движения должны идти другим путем, отнюдь не вступая ни в какие отношения с государственной властью.

Приходилось доказывать, что восьмичасовой рабочий день — необходимое условие для восстановления физических и умственных сил пролетариата, приведенного к вырождению капиталистическим гнетом.

Чтобы успокоить прудонистов, как огня боявшихся общения рабочих с государственной властью, лондонская делегация доказывала: „Проведя такой закон, рабочий класс не укрепляет силы правительства. Напротив, он превращает в свое орудие ту власть, которая раньше была направлена против него“.

Маркс не без злобы говорил потом о „господах парижанах“: „Они болтают о науке и ничего не понимают. Они презирают всякое революционное действие, т. е. такое, которое вытекает из классовой борьбы... которое действует политическими средствами (например законодательное сокращение рабочего дня). Под предлогом свободы, противогосударственности или индивидуализма, отрицающего авторитет, эти господа, так спокойно выносящие в течение шестнадцати лет самый слепой деспотизм¹, проповедуют в сущности самый обыкновенный буржуазный строй, лишь идеализированный Прудон“.

По вопросу о сокращении рабочего дня до восьми часов победили опять таки лондонцы.

Что касается организации кредита, о котором больше всего заботились прудонисты, видя в нем главное лекарство от социальных зол, то конгресс рекомендовал членам Интернационала заняться изучением этого вопроса и тем ограничился.

Интересны также постановления конгресса о дет-

¹ Господство Наполеона III.

ском труде, в основу которых тоже легла точка зрения Маркса.

При разумном устройстве общества дети должны участвовать в производственном труде общества. Но труд их должен соединяться с образованием ребенка и с культурой тела (физической культурой). И тут опять мы видим ту же близость к нашим воззрениям.

По вопросу о женском труде последователи Маркса оказались, однако, в меньшинстве. Прудонисты считали, что работа на производстве развращает женщину, разрушает семью, поэтому ее следует запретить.

„Мужчине — труд и изучение общечеловеческих проблем; женщине — забота о детях и украшение жилища работника“, — так ставился вопрос прудонистами.

Тщетно доказывали сторонники Маркса, что женщину нельзя запереть у домашнего очага. Резолюция конгресса была в духе прудонистов.

Лондонская делегация предложила на обсуждение этого съезда и еще один вопрос, приведший к схватке с прудонистами, которые протестовали против самой постановки его: это был вопрос о необходимости „восстановить Польшу на демократических и социальных основах“ и „уничтожить русское влияние в Европе“ (т. е. влияние русского самодержавия, бывшего опорой европейской реакции).

Если мы вспомним, как ставит вопрос о национально-освободительных войнах угнетенных народностей Коминтерн, видя в них один из путей борьбы с империализмом, и учтем реакционную силу русского самодержавия, его вес в тогдашней Европе, то постановка этого вопроса Марксом будет ясна и понятна. И тут основатель марксизма наметил пути дальнейшей международной тактики пролетариата. Но тогда такая постановка вопроса оказалась не по плечу части делегатов. Верные своему узкому, недалекновидному взгляду на вещи прудонисты увидели здесь только „национальный вопрос“ и предлагали не вмешиваться в него, ограничившись выражением протеста против всяких проявлений тесно-

тизма. Они к тому же боялись вмешательства в европейскую политику правительства против Интернационала и погубить свое дело.

В конце концов, после долгих споров и обсуждений, прошла компромиссная резолюция, в которой конгресс заявлял, что рабочая организация, борясь „против всякого насилия“ за равноправие всех людей и народов, тем самым должна стремиться и к устранению империалистического влияния России и восстановлению демократической Польши.

Четко поставленный вопрос о необходимости для рабочего класса использовать в целях освобождения человечества возможность национальной борьбы угнетенных, использовать ее, учитывая данную конкретную историческую обстановку, была запутана и несколько затемнена прудонистами. Но для дальнейшего развития пролетарского движения важна была и самая постановка вопроса.

Если не считать этих полууступок мелкобуржуазному духу (в этом вопросе и в вопросе о женском труде), научный социализм одержал значительную победу.

Это обстоятельство имело огромное значение для сознания рабочих масс.

Теперь, когда профсоюзное движение охватило почти все цивилизованные страны мира, странными могут показаться самые споры о том, нужны ли профсоюзные организации. Но ожесточенные споры на Женевском конгрессе — лишний пример тех трудностей, которые приходилось преодолевать Марксу в руководстве международным рабочим движением. Мелкобуржуазная партия — прудонисты, которые видели разрешение социального вопроса единственно в развитии ассоциаций мелких товаропроизводителей и верили в мирное вращение социализма в капитализм, естественно пренебрегали и рабочим законодательством и профсоюзным движением. Им казалось не стоит тратить на эти вопросы ни внимания, ни усилий... Ход

исторического развития показал, что был прав Маркс, а не они.

В конце концов Маркс остался доволен исходом Женевских прений.

„Я очень опасался за первый конгресс в Женеве, но, против моего ожидания, он прошел в целом хорошо. Влияние его во Франции, Англии и Америке совершенно неожиданно“, — писал Маркс.

V. „КАПИТАЛ“

„Без революционной теории
нет революционной борьбы“

Ленин

Победа Маркса на Женевском конгрессе была большим успехом для всего рабочего движения; были заложены основы правильных воззрений по ряду вопросов.

Тот же 1866 год принес пролетариату еще одну победу.

В 1866 г. Маркс закончил наконец первый том „Капитала“, над которым работал много лет, и отправил рукопись для печатания в Германию.

Он придавал этой своей работе огромное значение. Созданию этой книги он отдавал много сил, пренебрегая болезнью, практическими делами; упорно перерабатывал ее, заканчивал и снова принимался за переработку.

Извиняясь за долгое молчание перед одним из друзей, он писал:

„Почему я вам не отвечал так долго? Потому что все время был на краю могилы. Мне необходимо было поэтому пользоваться каждой минутой для окончания моего труда, в жертву которому я принес здоровье, жизненное счастье и семью. Надеюсь, что это объяснение не нуждается в дополнениях. Мне смешны так называемые практичные люди и мудрость их. Если быть скотом, то конечно можно повернуться спиной

ко всем человеческим страданиям и заботиться только о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя действительно непрактичным человеком, если бы умер, не оставив своей работы законченной по крайней мере в рукописи“.

Практичность этого упорного человека состояла в том, чтобы „работать для мира“, дать в руки и современникам и будущим поколениям оружие в борьбе, указать самый надежный путь к победам.

Единственно надежный потому, что он основан на знании, на учете истории... Надобно было показать и толковать: социализм придет не потому, что люди уверуют в справедливость, как это говорят утописты, а потому, что он неизбежно вытекает из капитализма. Но осуществление его не дается без борьбы, и чтобы в назначенный историей час рабочий класс сумел сделать то, что нужно, чтобы он шел к этому часу кратчайшим, правильным путем, он должен понять этот путь и конечную остановку, понять, как построятся социализм и как построено капиталистическое общество.

Над этим стоило работать одному, преодолевая усталость, забывая порою про семью, из-за этого стоило ссориться с приятелями, наживать недругов, без пощады бить врагов.

В ноябре 1866 г. первая часть рукописи была отправлена для печатания в Германию, в Гамбург. Весной 1867 г. Маркс сам повез туда остальную часть рукописи. Осенью книга должна была выйти.

„Итак, том готов, — писал он Энгельсу. — Одному тебе я обязан осуществлением этого. Без твоих жертв для меня я не мог бы сделать огромных подготовительных работ к трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности. Привет тебе, мой дорогой, верный друг“.

Благодарить было за что. В течение многих лет Энгельс помогал Марксу, выручал его из запутанных обстоятельств, платил его долги, всячески поддержи-

вал его семью, в то же время энергично помогала в работе.

Эти двое людей за долгие годы дружбы, сотрудничества в практической революционной деятельности и в разработке теории настолько срослись духовно и сработались, что Маркс каждой новой мыслью медленно делился с другом, ожидая от него критики или одобрения. Доля участия Энгельса в создании „Капитала“ очень значительна; но, признавая превосходство Маркса, он сознательно шел на жертвы, чтобы предоставить Марксу возможность продолжать свою работу.

Именно ради этого он годами с неохотой вел фактуру отца, сначала в качестве приказчика, потом лично ответственного за все производство. Занимался „собачьей коммерцией“, которая делала его „ни к чему не способным“, отнимала силы, нужные для научной и литературной работы...

„Он растрачивал свою изумительную силу на коммерческие дела главным образом ради меня“, — признавал Маркс.

Энгельс знал, ради чего он приносит жертвы.

Он сохранял для „коммунистической партии ее лучшую умственную силу“.

„Капитал“ был революцией в области науки.

Чтобы пойти верной дорогой, рабочий класс должен был усвоить мысли, изложенные в „Капитале“.

Вскоре после выхода из печати „Капитал“ был переведен на русский и французский языки. Над французским переводом Марксу самому пришлось немало поработать.

В России царская цензура, пропуская эту книгу, отозвалась о ней, что „хотя она и социалистическая по характеру, но так как она написана с точностью научно-математического труда, то нет возможности преследовать ее в судебном порядке“.

Русское издание „Капитала“ разошлось очень быстро. Три тысячи экземпляров раскупили в три месяца.

В разных странах появились статьи о „Капитале“. Холоднее всего к новой книге отнеслись там, где она была написана, — в Англии. Только один журнал отметил ее появление.

Но если существовал „заговор замалчивания“ книги специалистами, то к рабочим она пробивала путь, несмотря на трудность ее содержания. Маркс мог с удовлетворением переслать одному из друзей письмо, полученное им в ноябре 1867 г. от „мастера Владимирской кожевенной фабрики“ Иосифа Дицгена, где тот говорит о „восторге“, который возбудило в нем чтение недавно появившегося в Гамбурге сочинения Маркса.

Конгресс Международного товарищества рабочих, собравшийся в 1868 г. в Брюсселе, рекомендовал рабочим всех стран изучать „Капитал“.

„Маркс, — говорилось в резолюции конгресса, — первый, кто подверг капитал научному анализу“.

Нечего и говорить о том, как велико значение „Капитала“ и до сих пор. Этот основной труд Маркса стал арсеналом, из которого черпают свои доводы сторонники коммунизма при анализе сил, действующих в капиталистическом обществе. По выражению Ленина „Доктрина Маркса связала в одно нерзырывное целое теорию и практику классовой борьбы“. Оказал и оказывает „Капитал“ большое влияние и на буржуазных ученых.

За I томом „Капитала“ должен был последовать II и III.

Несмотря на огромную работу над „Капиталом“, Маркс продолжал руководить работами Генерального совета.

В одной из английских библиотек хранятся протоколы его заседаний, начиная с осени 1866 г. по осень 1869 г.

Имя Маркса го и дело попадает в них. То он делает доклад о все увеличивающемся вывозе английского железа в Бельгию, что противоречит жалобам

английских промышленников, будто трэд-юнионы¹, отстаивая интересы рабочих, подрывают железнодорожную промышленность Англии; то сообщает о выступлениях социалистов в Северо-германском рейхстаге. Предлагает послать делегатов на съезды рабочих в Вене и Нюрнберге, докладывает письма рабочих организаций из Америки, Ирландии; сообщает о стачке в одной из местностей Германии; участвует в прениях о народном образовании; дает исторический обзор вопроса о праве наследования и оспаривает тех, кто придает отмене его такое значение, что видит в этом путь к социализму...

Долго было бы перечислять все его выступления. Достаточно указать на разнообразие тем, которые он затрагивал в Генеральном совете.

Вместе с тем есть периоды, когда имя его не встречается в отчетах. Маркс либо болел, либо уезжал из Англии на материк лечиться или следить за изданием своей книги. Когда он оставался в Лондоне, огромная работа его для Интернационала не ограничивалась докладами в совете: на нем лежала переписка с разными странами, прием секретарей от разных секций — большая повседневная работа.

Нельзя сказать, чтобы это участие Маркса в работе Генерального совета протекало всегда в мирном тоне. Бурный темперамент его, раздражительность в споре, увлечение своей идеей и настоятельная потребность переложить ее в чужие умы приводили подчас к гневным вспышкам. Он не щадил непонятливых спорщиков, стучал кулаком по столу. Иногда срывалось крепкое слово. Но это не вносило разлада. Рабочие, сидевшие в Генеральном совете, видели в нем такого же пролетария, как и они, обреченного всю жизнь биться с нуждой. Этот человек, которого едва не передали в руки полиции, когда он пришел в ломбард заложить женино серебро, — такой взъерошенный, далекий от

приличного облика буржуа, потрепанный вид был у него, — не являлся в их глазах барином, выходящим из другого класса, нисходящим до того, чтобы учить рабочих, — он был своим человеком.

В отношениях между ними и „отцом Марксом“, как они его называли, долгое время были теплота и доверие.

VI. ИНТЕРНАЦИОНАЛ И СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Ближайшие после Женевского конгресса годы были периодом повсеместного подъема рабочего движения.

В 1866 г. разразился новый экономический кризис со всеми последствиями, которые приносит кризис, — с застоєм в делах, с безработицей, с нажимом на зарплату со стороны предпринимателей.

К этому бедствию прибавилось два неурожая — 1866 и 1867 гг.

Положение рабочих стало невыносимым. Стачечное движение усилилось. Забастовки часто возникали независимо от деятельности Интернационала, но он немедленно устанавливал связь с бастующими, оказывал денежную помощь, посылал организаторов, давал защитников в случае привлечения стачечников к суду.

Особенно значительной была его роль в стачках *бронзовщиков* в Париже, *горняков* в Бельгии, *строительных рабочих* в Женеве, *корзиночников* в Лондоне.

Стачка бронзовщиков возникла по следующему поводу: хозяева были недовольны отменой в 1864 г. закона, запрещавшего профессиональное движение тем более, что организация союзов шла быстрыми темпами. В 1867 г. союз бронзовщиков насчитывал уже тысячи человек. Встревоженные такими успехами профессионального движения, предприниматели поставили перед рабочими выбор: либо выходить из союза, либо лишиться работы. Рабочие ответили на это постановление, что все они покинут те мастерские, из которых хоть один будет уволен за принадлежность к союзу.

¹ Профсоюзы.

Хозяева, раздраженные таким упорством, закрыли мастерские. Тысячи бронзовщиков остались без работы. Кассы их союза и других объединений были очень быстро опустошены. Нужна была немедленная помощь.

Вопрос стоял принципиальный: рабочие отстаивали самое право существования своих организаций.

Парижская секция, несмотря на свое отрицательное отношение к стачкам, обратилась к Генеральному совету за помощью для бастующих. Толлен и двое других товарищей съездили в Англию и привезли оттуда значительную сумму денег. Это произвело огромное впечатление на буржуазию. Дело, оказывается, не ограничивалось одними резолюциями и манифестами. Рабочие разных стран действительно готовы были поддержать друг друга в борьбе против капитала. Эффект той минуты, когда на совместном собрании рабочих с хозяевами появились делегаты, вернувшиеся из Англии, и заявили о жертвованиях, был огромный. Хозяева быстро пошли на уступки.

В Женеве строительные рабочие потребовали сокращения рабочего дня с двенадцати до десяти часов и увеличения заработной платы.

Так как в движении принимала участие швейцарская секция Интернационала, предприниматели пренебрежительно и раздраженно заявили, что с членами Интернационала рабочих они вести переговоров не будут. Требований рабочих они даже не рассматривали. Тогда вспыхнула забастовка.

Секция обратилась за поддержкой стачечников ко всем рабочим Женевы. Набатов их созвали на общегородское собрание. Буржуазия перепугалась. Ей уже мерещилась социальная революция. Буржуазное население города затихло, затаилось. Служащим крупных фирм было роздано оружие, деньги и ценности спрятаны.

Страхи буржуазии оказались напрасными. Члены Интернационала, забастовщики, представители других профессий, не участвовавших в стачках, собрались в порядке, обсудили положение дел; ряд профессий

объявил забастовку сочувствия. Несмотря на отсутствие эксцессов, местная печать была тревогу, обвиняла «иностранных агентов» в подстрекательстве. В стремлении посеять раздор между гражданами одной и той же страны.

Известия о движении газеты разнесли по всей Европе. Лондонский «Таймс»¹ печатал подробные корреспонденции о ходе забастовки. Женевские события вызвали живой отклик среди рабочих Франции, Германии, Англии, Бельгии. Начался сбор пожертвований, и вскоре Генеральный совет Интернационала переслал женевским забастовщикам значительную сумму. Самая же скорая помощь пришла из Парижа. Там Варлен², с неутомимой энергией принявшийся за дело, в несколько дней собрал 10 000 франков.

В конце концов хозяева пошли на уступки: повысили заработную плату и уменьшили рабочий день на один час.

Не менее важны были и события, происходившие в Бельгии.

В этой стране только в шестидесятых годах стала развиваться крупная капиталистическая промышленность. Положение рабочих в железоделательной и каменноугольной промышленности было здесь невероятно тяжелым. Законодательства о труде, как в Англии, здесь не существовало. Рабочий день длился пятнадцать и даже восемнадцать часов. Рабочие выступления правительство подавляло с помощью полиции и войск.

В 1867 г. здесь произошли крупные беспорядки в копях, окончившиеся избиением рабочих.

Год спустя столкновения возобновились.

На этот раз началось с того, что владельцы шахт повысили цену на уголь. Хозяева железоделательных заводов стали привозить уголь из-за границы; тогда хозяева копей уменьшили сдельную плату и сократили

¹ Одна из распространенных и влиятельных газет буржуазной Англии.

² Будущий участник Коммуны.

производство наполовину. А когда рабочие устроили демонстрацию, правительство двинуло войска и полицию, и сотни рабочих были убиты.

Для сторонников невмешательства рабочего класса в политику это было лишним уроком, ответом на вопрос: может ли рабочее движение оставаться чисто экономическим или всякая экономическая борьба непременно является и политической борьбой, и участия в государственной власти нужно для рабочих хотя бы уже для того, чтобы капиталисты не могли всецело распоряжаться государственным аппаратом.

Ответ был наглядный и убедительный.

За избиением последовали аресты.

„В этом безнадежном положении, доведенные до последней степени унижения и отчаяния, углекопы Шарлеруа вдруг услышали дружеские, оправдывающие их голоса увидели надежду на помощь и защиту в Интернационале“, — рассказывает один из историков I Интернационала. Бельгийская секция Интернационала приняла участие в борьбе, публиковала в газетах статьи, устраивала митинги, оказывала поддержку семьям погибших.

И Генеральный совет Международного товарищества рабочих не остался в стороне: оказывал забастовщикам денежную помощь, его стараниями была организована защита их на суде, а когда в 1869 г. разразились новые стачки и начались новые избиения, Генеральный совет выпустил резкий манифест.

„В цивилизованном мире существует одна только страна, где с жадностью и удовольствием хватаются за стачки, как за предлог для избиения рабочих, — говорилось в этом манифесте. — Эта единственная страна Бельгия, образцовая страна континентального конституционализма, маленький рай помещиков, капиталистов и попов. Земля совершает свое годичное обращение вокруг солнца не с большей правильностью, чем бельгийское правительство свою ежегодную бойню...“¹.

¹ Манифест был написан Марксом.

Большую роль сыграл Генеральный совет и в одной из стачек, происходивших в Лондоне. В докладе Лозанскому конгрессу он рассказывал, как ему удалось обеспечить успех этой забастовки:

„Владельцы корзиночных мастерских в Лондоне потребовали от рабочих, чтобы они распустили свой союз и в трехдневный срок дали согласие на сокращение заработной платы, предупредив, что если требование не будет исполнено, мастерские будут закрыты. Такой произвол возмутил рабочих, которые отказались принять эти условия; хозяева предвидели это и заранее отправили в Бельгию агентов, которые там набравали рабочих... Последние были размещены под арками железнодорожного моста в одном лондонском квартале. Там они должны были безвыходно пребывать, работать, есть и спать, чтобы не соприкасаться с другими рабочими“.

„Но Генеральному совету удалось пробиться через установленный хозяевами карантин и с помощью хитрости добраться до бельгийских рабочих; на другой же день бельгийские рабочие поняли свой долг и вернулись в Бельгию, получив от лондонского союза корзиночников возмещение за потерянное время“.

„В самый момент их отъезда прибыл другой пароход с рабочими, но на этот раз они были встречены нами и отправились обратно со следующим пароходом; в результате хозяева принуждены были примириться с сохранением прежнего положения вещей“.

Конечно, это только единичные примеры участия Генерального совета и секций Интернационала в забастовочном движении отдельных стран.

Стачки в эти годы следовали одна за другой, вспыхивали повсеместно.

Во Франции в 1868 г. бастовали текстильщики в Руане; в следующем году бастовали лионские сучильщики шелка; тогда же — углекопы в Луврском районе, причем происходили столкновения рабочих с войсками, были жертвы. В Англии, в Уэльсе, бастовали угле-

копы. В 1869 г. в Швейцарии была новая стачка строителей, бастовали типографы, рабочие ленточного производства, красильщики шелка.

Нет надобности перечислять все забастовки.

„Стачки, снова стачки и еще стачки!“ — пишет с огорчением один из прудонистов.

Действительно, говоря словами одного из буржуазных историков движения, „в 1868—69 г. экономическая война охватила всю Европу“.

Настроение протеста против гнета капитала крепло в рабочих массах и готовность к борьбе тоже.

„Глухая ненависть уже разделяет классы, — сказали судьям на процессе парижской секции подсудимых Варлен: — присмотритесь и вы увидите, что почва колеблется у вас под ногами. Берегитесь!“

VII. РОСТ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Повсеместное обострение борьбы труда с капиталом усиливало стремление рабочих разных стран к общению друг с другом; создавало потребность в организуемом центре.

Участие Интернационала в стачках, его помощь, его руководство естественно привлекали к нему рабочих.

Прилив членов в конце шестидесятых годов был очень велик.

Застрельщицей была Англия. Уже в 1867 г. Генеральный совет мог доложить Лозаннскому конгрессу, что в Англии к Интернационалу примыкает один союз за другим. Иногда это были мелкие организации, иногда очень многочисленные. Союз механиков, вошедший в Международное товарищество рабочих, насчитывал 33 тысячи человек, союз землекопов — 28 тысяч.

Конференция английских профсоюзов, собравшись в Шеффилде, отметила заслуги Интернационала и рекомендовала рабочим вступать в Интернационал.

В ее резолюции говорилось:

„Выражая полную признательность Международному товариществу рабочих за его усилия объединить узлами братства рабочих всех стран, конференция самым настойчивым образом рекомендует всем представленным здесь союзам примыкать к этой организации и убеждена, что это чрезвычайно важно для прогресса и для пользы всего рабочего класса“.

Немного времени спустя другая конференция высказалась в этом же духе.

Одно время лондонский совет тред-юнионов хотел объявить себя секцией Интернационала. К 1869 г. в Англии существовало уже 230 секций, в которых состояло 95 тысяч членов.

В других странах рабочие тоже вливались широкой волной. Моменты обостренной борьбы с хозяевами бывали самыми благоприятными для прилива членов. Во Франции, во время стачки плавильщиков, на одном из собраний забастовщиков, когда был прочитан устав Интернационала, тут же 1200 человек заявили о своем вступлении в Интернационал. В Лионе — центре шелковой промышленности — произошло нечто подобное.

„В мастерских идет вербовка и к Интернационалу присоединяются так же просто, как предлагают и выпивают стакан вина“.

В Швейцарии до весны 1868 г. к Интернационалу присоединялись главным образом строительные рабочие. После стачки, во время которой Интернационал оказал такую помощь, в него стали вступать и мастеровые часового и ювелирного ремесла, сильно распространенного в Швейцарии.

В маленькой Бельгии возникло более двадцати секций.

Возникла секция Интернационала в Голландии (здесь тоже происходили в эти годы стачки).

На Брюссельском конгрессе были уже представители от больших рабочих организаций, в частности от германских.

Наконец, в Швейцарии, в Женеве, возникла из эмиг-

рангов русская секция, которая поставила себе задачу распространять идеи Интернационала среди славян. Своим представителем в Генеральном совете она избрала Маркса. Члены ее защищали марксизм в той борьбе с анархическими учениями, которая развернулась в самом конце шестидесятых годов.

Дело не ограничивалось одним промышленным пролетариатом. В Международное товарищество рабочих начинают вливаться земледельческие рабочие, — так было в Италии, в Испании.

За океаном рабочее движение тоже крепло. В Северной Америке после окончания гражданской войны (о которой мы упоминали в главе IV) развилось профессиональное движение. В 1866 г. был основан Национальный рабочий союз. Два года спустя возникла самостоятельная рабочая партия („Партия рабочих реформы“). Руководители движения были в постоянной переписке с деятелями Интернационала. На Базельском конгрессе Интернационала (1869 г.) уже присутствовал делегат от Национального рабочего союза.

Характерно, что рабочие здесь нащупывали те же пути организации и борьбы, которые старался привить Маркс европейскому пролетариату.

„Большую радость, — писал Маркс еще в 1866 г., доставил мне происходивший одновременно (с Женевским съездом, *К. Р.*) американский рабочий конгресс в Балтиморе. Организация для борьбы против капитала служила там лозунгом, и — удивительное дело, — большинство выработанных мной для Женевы требований было точно также поставлено там, благодаря верному инстинкту рабочих“.

Однако этот массовый прилив европейских рабочих в Интернационал говорил об одном: о продолжавшемся революционном подъеме, противоположном затишью пятидесятых годов; о тяге рабочих к организации, к постановке вопросов, связанных с улучшением жизни рабочего класса.

Но он отнюдь еще не говорил о том, что разрешение этих вопросов принимается всеми одинаково.

Больше того, нельзя было быть уверенным даже в том, что осознаны основные цели, глубокие и конечные задачи, стоящие перед мировым пролетариатом. Для английских профсоюзов Интернационал как при его основании, так и позже, должен был главным образом играть роль помощника и руководителя в профессиональной борьбе. Как далеки были воззрения рабочих других национальностей от теорий научного социализма, мы уже видели и еще увидим.

Прилив членов, огромная популярность Интернационала еще не были залогом того, что рабочее движение созрело для восприятия идей научного социализма.

Кроме того надо учитывать и другое обстоятельство: ни крепких профессиональных организаций, ни тем более своих политических партий не было у рабочего класса нигде, кроме Англии (где имелись проф-организации — трэд-юнионы).

Это отсутствие крепких влиятельных организаций имело большое значение: в годы упадка настроения в массах эти крепко сбитые организации удерживают массы за собой; при отсутствии их, массы в такие периоды распыляются. Существование такой базы в виде национальных организаций обеспечило бы I Интернационалу возможность пережить период упадка революционного настроения; отсутствие ее ставило под сомнение долговечность первой международной организации пролетариата.

Поэтому, может быть, крупнейшим успехом для Интернационала были события, происшедшие в Германии.

VIII. ОБРАЗОВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

В Германии, еще под влиянием кризиса 1857 г. и последовавшего за ним оживления международного рабочего движения, пролетарская мысль становилась смелее и независимее.

Большую роль в организации рабочих масс сыграл здесь талантливый вождь рабочего класса, Фердинанд Лассаль. Он отстаивал необходимость самостоятельного рабочего движения и борьбы за участие в политической власти.

К мелким достижениям, вроде касс взаимопомощи, которые охотно поощряла либеральная буржуазия, он относился с пренебрежением.

„Вы хотите учредить сберегательные кассы, инвалидные, вспомогательные и больничные кассы? Я признаю в этих учреждениях известную пользу, в **высшей степени ничтожную и почти несостоящую траты сил...**

„Рабочие,— учил он,— должны добиваться всеобщего избирательного права, овладеть государством. Тогда они смогут с его помощью организовать производительные товарищества, освободиться от гнета капитала“.

Это единственно верный путь, по его мнению.

„Свободная индивидуальная ассоциация работников, но осуществленная помощью и покровительством государства, единственный выход из бедственного положения рабочего сословия,— заявлял он,— но как склонить государство к этому вмешательству?“

„И на этот вопрос тотчас представляется ясный, как солнце, ответ: это возможно лишь при общем и прямом избирательном праве“.

„Добиться его можно организовавшись в общий германский союз с целью законной и мирной, но неутомимой, непрестанной агитации“,— так убеждал Лассаль.

Ему, действительно, удалось увлечь рабочие массы и создать в 1863 г. „Германский рабочий союз“.

Но в действительности Лассаль были отрицательные стороны, вредные для рабочего сознания.

Он упускал из виду, что в буржуазном обществе, где все средства производства сосредоточены в руках господствующих классов, всеобщее избирательное право не принесет освобождения рабочему классу. Классовая природа государства была ему неясна; он ошибочно

считал, что оно служит надклассовым интересам, „высшей справедливости“.

В уставе основанного им союза говорилось, что **задача рабочего класса—уничтожить классовые противоречия мирным путем.**

Следуя своей мысли, что государственная власть поможет *рабочему* классу против буржуазии, Лассаль дошел до того, что одно время пытался вступить в соглашение с реакционным прусским министром Бисмарком.

Вместе с тем, увлекаясь политической борьбой *превыше* всего, Лассаль не придавал значения *экономической* борьбе, профессиональному движению.

Поэтому громадное значение имело то обстоятельство, что марксистские идеи пробивали себе дорогу в рабочем сознании.

Проводниками их были в Германии Вильгельм Либкнехт и Август Бебель, за эти годы далеко ушедший от своей прежней осторожной примиренческой политики. Под их влиянием просветительные рабочие союзы пришли, наконец, к решению **организоваться как самостоятельная рабочая партия.**

В Лондоне Генеральный совет получил от председателя Совета германских профессиональных союзов Августа Бебеля письмо, извещавшее его, что „великое событие должно совершиться в жизни рабочих союзов“... „Союз германских рабочих обществ устраивает свой очередной съезд в Нюрнберге. Среди важных вопросов, стоящих в порядке дня, главное место занимает вопрос о „программе“.

„Мы намерены, писал Бебель, предложить съезду **принять программу Международного товарищества рабочих.** Нашему предложению обеспечено большинство, и успех несомненен...“

Бебель приглашал Международное товарищество рабочих прислать на Нюрнбергский съезд своих представителей. Приглашение конечно было принято, и приятель Маркса, член Генерального совета, Эккартс поехал в Нюрнберг.

Съезд был многолюдным — присутствовало 115 делегатов от 93 организаций.

И вот на этом съезде была принята резолюция:

„Принимая во внимание... что освобождение трудящейся местной или национальной задачи... что разрешение этой задачи может быть достигнуто только соединенными усилиями передовых стран, — первый съезд немецких рабочих союзов постановил примкнуть к Международному товариществу рабочих“.

Резолюция напоминала даже выражениями Устава Международного товарищества.

Во главе новой партии стали Август Бебель и Вильгельм Либкнехт.

Новая рабочая партия была сильна и своей организацией, и своей программой и солидарностью с международным рабочим движением. Она с успехом боролась против Всеобщего германского рабочего союза, основанного Лассалем.

Вскоре на новом съезде, в Эйзенахе,¹ эта организация объявила себя Всеобщей германской социал-демократической рабочей партией, секцией Интернационала

Итак дело как будто налаживалось. Рабочие организовались вокруг Международного товарищества. Прудонисты были разбиты. В Германии возникла чисто рабочая партия и тоже примкнула к Интернационалу.

Рабочие массы должны были усвоить принципы научного социализма и получить интернациональную подготовку к будущей великой борьбе.

IX. ОТНОШЕНИЕ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ

Но успехи первого Международного товарищества рабочих измерялись не только приливом членов в его среду, не только повсеместным сочувствием рабочих

масс, но и тревогой врага, тревогой правящих классов.

Если Женевскому конгрессу буржуазная печать уделила сравнительно мало внимания, то на следующие конгрессы Интернационала буржуазные газеты посылали своих корреспондентов, посвящали им передовицы. О Лозаннском конгрессе орган либеральной буржуазии отозвался, что „этот конгресс делает эпоху“.

Буржуазия начинала пристально следить за опасным, хотя и не вполне еще разгаданным движением.

„Мы смеялись раньше над этой странной организацией, — писала другая буржуазная газета, — можно ли было четыре года тому назад подумать, что эта организация будет иметь такое значение? Можно ли было предвидеть ее влияние на рабочих и быстрое, неслыханное развитие движения, охватившее теперь рабочих всех стран?“

По мере того как углублялось и ширилось рабочее движение, озлобление буржуазии росло.

Стачки все больше тревожили правящие классы, которым всюду мерещились эмиссары Международного товарищества рабочих.

„Да, — говорил Маркс, — мы этого не отрицаем, у нас повсюду эмиссары. Хотя в большинстве случаев мы их не знаем. Это — рабочие, тяжелый труд которых длится четырнадцать—пятнадцать часов в сутки, которые придавлены нуждой. Вот наши эмиссары! Других у нас нет, и во всех странах, куда мы ни показываемся, мы встречаем их готовыми дружески нас принять, так как они понимают, что нашей целью является улучшение их быта“.

Но буржуазия как раз и не хотела учитывать объективных причин рабочего движения.

На ее взгляд, оно вызывалось злой волей Генерального совета и его вдохновителя. „Доктор красных ужасов“, — такую кличку дали Марксу. У мещанских слоев входило в обычай приписывать Интернационалу любое бедствие. Все, что пугало воображение, исходило

¹ В 1869 г. Съезд в Нюрнберге был в 1868 г.

от него. В Америке, в Чикаго, случился большой пожар, и сейчас же появилась в газетах телеграмма о том, что поджигателями были члены Международного товарищества рабочих. Эта клевета облетела весь мир.

Маркс говорил: „удивительно, как это не приписали Интернационалу ураган, свирепствовавший в средней Америке“.

Вольно или невольно, в тревоге перед вставшей опять „красной угрозой“, буржуазия подчас преувеличивала силы врага. Протестуя против нового торгового договора с Англией, прусские промышленники заявили Бисмарку, что при новом таможенном тарифе они, чтобы выдержать конкуренцию английских дешевых товаров, принуждены были бы понизить зарплату рабочим, но не могут этого сделать, боясь Интернационала.

В 1870 г. весной во Франции адвокат при императорском суде в Лионе, Тестю, выпустил книгу, посвященную возникновению, росту, деятельности Интернационала. В предисловии он писал:

„Пришло время ясно и определенно ознакомить общество с целями Интернационала, быстрое развитие которого способно ужаснуть всякого, кто поразмыслит о том, какой огромной опасностью угрожают общественному порядку эта могущественная организация“.

Тестю обещал „показать, что, под предлогом освобождения рабочих, борьбы с капиталом, улучшения положения пролетариата, Интернационал, в действительности, стремится к тому, чтобы от основания до вершин перевернуть современные основа общественного строя, что он очень деятельно вмешивается в политику и что в один подходящий момент ему будет нетрудно увлечь миллионы своих сторонников к революционному выступлению“.

Заканчивалась эта книга призывом освободиться от „грозного бича“:

„Перед лицом сообщества столь грозного как Интернационал и реальных опасностей, которыми оно угрожает общественному порядку, пора правительству

открыть глаза, отбросить медлительность и терпимость, прискорбным следствием которых явилось образование секций во всех промышленных центрах, пора ему найти лекарство, которого требует положение...“

Увлеченный тревогой, Тестю насчитывал миллионы членов Интернационала.

Этот тревожный интерес к неразгаданному еще врагу был присущ и широким кругам буржуазии: за один год вышло семь изданий этой книги, в которой автор считал необходимым предостеречь буржуазное общество о растущей угрозе, пробудить в нем инстинкт сопротивления.

Но для французского правительства такие призывы, как книга Тестю, были излишни. Оно и так было настороже.

Уже в 1866 г. французская полиция задержала документы Интернационала, которые перевозились в Лондон с Женевского конгресса.

Не смотря на усвоенную систему заигрывания с рабочими, несмотря на то, что французская секция, состоявшая преимущественно из прудонистов, чуралась политики, правительство Наполеона III начало преследования против Интернационала.

Резолюция Лозаннского конгресса о необходимости борьбы за политические свободы довершила дело. В конце того же года начато было судебное преследование против членов парижской секции; в следующем году было еще два судебных процесса. Секции пришлось перейти на полулегальное положение.

Впрочем, эти преследования, может быть, даже послужили на пользу рабочему движению, открыв глаза тем группам рабочих, которые еще не умели по достоинству оценить тактику правительства.

„Правительственные репрессии не только не убили Интернационала,— заявлял Генеральный совет,— но, напротив, дали новый толчок его развитию, положив конец растлевающему кокетничанию империи с рабочим классом“.

Действительно, среди французских рабочих наме-

чаегся революционный подъем. Французская секция этого небольшой кружок экономистов, „мирно обсуждавший по четвергам теории Прудона и строивший самые невинные и вместе с тем неосуществимые планы больше не удовлетворяет революционных рабочих.

„Отчасти именно благодаря преследованиям движение начало принимать широкий, массовый характер, неизмеримо более соответствующий целям Интернационала“, — так свидетельствует современник. Большое влияние начинают приобретать сторонники революционных методов, а это вызывает новые удары со стороны правительства.

В 1870 г. летом деятели парижской секции Интернационала были опять — в третий раз — привлечены к суду. — В приговоре указывалось, что „это общество.. сделалось социальной опасностью и опасностью огромной, если принять во внимание число его членов... и тот пыл, с которым оно ринулось в область самых жгучих вопросов текущей политики...“

Французское правительство обрушилось на секцию Интернационала не только в Париже, — в Лионе, Руане, Марселе часть членов секции была арестована, другая бежала от ареста в Швейцарию.

А вслед за тем в газетах стали появляться сообщения об удвоившемся числе комитетов Интернационала. Маркс мог с удовлетворением подчеркнуть, какова разница между заговорщическим тайным обществом и настоящей массовой рабочей организацией. В то время, как провал первого влечет за собой приостановку работы, во втором случае на смену выбывшим борцам массы выдвигают новых. Теперь они с горячностью подходят к политическому вопросу, к которому были равнодушны.

„Французское правительство сделало наконец то, чего мы все давно желали: политический вопрос — империя или республика — стал вопросом жизни и смерти для рабочего класса“, — писал Маркс в мае 1870 г..

В сущности у буржуазии были причины тревожиться на ее глазах действительно выросстал организационный центр мирового рабочего движения. А настроение масс пока что неуклонно подымалось.

Х. БОРЬБА ЗА ПРОГРАММУ. ВОПРОС О БОРЬБЕ ПРОЛЕТАРИАТА ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ

В эти же годы роста и успехов внутри Интернационала ни на один день не прекращалась борьба течений, борьба за марксистское, за научное руководство рабочим движением.

Центром марксистского руководства продолжал оставаться заседавший в Лондоне Генеральный совет. По мысли Маркса, Интернационал должен был стать международной коммунистической организацией рабочего класса: основные положения „Коммунистического манифеста“ должны были лечь и в основу программы Международного товарищества рабочих. Отмечая успехи Интернационала и прилив рабочих в него, Маркс писал:

„Дело подвигается вперед. При предстоящей революции, которая, может быть, гораздо ближе, чем это кажется, в наших руках будет этот мощный аппарат“.

Он имел в виду себя и Энгельса — старых руководителей союза коммунистов.

Однако на каждом шагу приходилось преодолевать идеологическую неподготовленность рабочих масс, отстаивать верную линию рабочего движения. Это делалось и в повседневной переписке Генерального совета с секциями и на конгрессах. В этот период существования Интернационала конгрессы созывались ежегодно: в 1867 г. в Лозанне,¹ в 1868 в Брюсселе,² в 1869 в Базеле.³

Смущенные своим поражением на Женевском конгрессе, прудонисты усиленно готовились к следующему

¹ Швейцария. ² Бельгия ³ Швейцария.

съезду. На Лозаннский конгресс они явились с намерением взять реванш.

На этот раз они были в большинстве. В то время как английские секции и Генеральный совет были представлены всего двумя делегатами, от французов приехало восемнадцать человек. Явилось и много представителей Швейцарии, где тоже господствовала мелкобуржуазная идеология, проявлялось сильное тяготение к анархизму и вместе с тем пренебрежение к вопросам политической организации.

По предложению прудонистов Лозаннский конгресс обсудил вопрос о кредите, о народных банках и постановил, чтобы профессиональные организации поублаждали своих членов нести сбережения не в буржуазные или государственные банки, а в кассы производственных товариществ.

Таким образом конгресс отдал свое время и внимание обсуждению вопросов, излюбленных прудонистами. Но вместе с тем на этом же конгрессе очень важное решение было принято в духе противоположном их воззрениям. Это был вопрос о политической борьбе пролетариата. Решение его имело большое значение, так как прудонисты утверждали, что Интернационал в своем уставе исключает политическую борьбу.

Тут крылось недоразумение. В Учредительном адресе Маркс прямо сказал: „Первая задача рабочего класса состоит в завоевании политической власти“. Но в уставе, чтобы не раздражать внимания правительств, говорилось несколько осторожнее: „Экономическое освобождение рабочего класса — великая цель, которой политическое движение подчинено как средство“.

Во французском переводе слова „как средство“ были пропущены. Получалось так, что Интернационал все свое внимание сосредоточивал на борьбе экономической.

Вопрос требовал уточнения.

Увлеченные мирным анархизмом Прудона и запуганные репрессиями империи, рабочие круги Франции

привыкли избегать политической борьбы, сосредоточивая все усилия на чисто экономической деятельности, на организации взаимопомощи, за которую правительство Наполеона III некоторое время не преследовало их.

Но опыт международного пролетарского движения за последние годы уже убедительно показал, что успех экономической борьбы зависит от ряда политических условий. Так и был поставлен вопрос на конгрессе:

„Не является ли отсутствие политических свобод препятствием к экономическому освобождению рабочего класса?“

Каковы же средства, с помощью которых можно ускорить достижение политических свобод?“

Докладчик по этому вопросу указывал между прочим и на то, что деятельность Товарищества слабо развивается в тех странах, где не обеспечена свобода собраний, слова и печати, и наоборот сделала крупные успехи в странах свободы.

„Таким образом,—говорил он,—без обеспечения рабочего политической свободы Международное товарищество не сможет выполнить своих славных задач — распространиться на всю Европу и сделаться тем, чем оно должно быть,—мощным и сильным объединением рабочих, призванным обновить мировой социальный строй“.

Прудонисты не решились особенно спорить: жизнь ждала их теорию. Конгресс постановил:

„Принимая во внимание, что отсутствие политических свобод препятствует социальному воспитанию народа и освобождению пролетариата, конгресс признает:

- 1) социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения,
- 2) достижение политической свободы есть первая и безусловная необходимость“.

Конгресс даже решил ежегодно повторять это заявление и сообщать его всем членам Международного товарищества рабочих.

Несомненно, эта резолюция была крупным достижением. Подъем революционного настроения в массах в связи с кризисом предыдущего года и усилением социального движения и так уже вел пролетариат по пути политических выступлений. Лозаннская резолюция совпала с практикой рабочего движения. И даже те, кто потом стал во главе анархизма, голосовали на этот раз за резолюцию, например член Интернационала Гильом, бывший потом ближайшим соратником Михаила Бакунина.

И однако, несмотря на такую четкую постановку и на благоприятную резолюцию, вопрос этот должен был в дальнейшем вызвать упорнейшую борьбу внутри Интернационала. Анархический уклон, подсказывавший пренебрежение к вопросам политической борьбы и политической организации, был слишком силен в рядах пролетариата и вскоре ожил, хотя и в несколько иной форме, более революционной, чем прудонизм.

XI. ВОПРОС О ВОЙНЕ И О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

„Первый долг коммунистов в борьбе с империалистической войной, это сорвать завесу, под прикрытием которой буржуазия готовится к войне, и показать широким массам действительное положение вещей. Это означает прежде всего самую ожесточенную политическую и пропагандистскую борьбу против пацифизма...

В силу того, что революционный пролетариат борется за социализм и за уничтожение войн, он отнюдь не может быть против *всякой войны*“

(Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. VI, стр. 85 и 87).

На том же Лозанском конгрессе перед представителями Интернационала встал вопрос о принципиальном и тактическом отношении пролетариата к войне.

Выявить свой взгляд по этому вопросу было необходимо: Европа переживала полосу войн.

В 1856 г. закончилась Крымская кампания, в которой принимали участие, кроме России и Турции, Франция, Англия и Сардиния.

В 1859 г. происходила война Италии с Австрией, причем на стороне Италии выступала Франция.

В 1864 г. Пруссия в союзе с Австрией воевала против Дании.

В 1866 г. Пруссия воевала с недавней своей союзницей Австрией.

В 1856—60 гг. французы и англичане воевали с Китаем, в конце пятидесятых годов Наполеон III воевал в Сирии, и к концу шестидесятых годов определенно чувствовалось, что готовилось столкновение между Францией и Пруссией.

Другое обстоятельство, побудившее Интернационал именно теперь высказаться о войне, состояло в следующем: незадолго до Лозаннского конгресса возникло буржуазное общество „Лига мира и свободы“ и обратилось к Интернационалу с предложением пригласить делегатов на его первый конгресс.

Может быть, для ясности и для правильной оценки позиции Интернационала по этому вопросу, стоит вспомнить, как ставится он либеральной буржуазией и как он ставится сейчас в международном коммунистическом движении.

Войны наносили такие раны человечеству, что вопрос о том, как их изжить, поднимался уже не раз, особенно в XIX веке, когда они достигли такого огромного размаха и почти непрерывно следовали одна за другой. В буржуазном обществе создавалось сильное и устойчивое течение борьбы за установление мира. Выпускаются книги против войны,¹ создаются общества пропаганды мирных идей, созываются конгрессы, и к правительствам, к сильным мира, ко

¹ Например нашумевшая книга Берты Зутнер „Долой войну“.

всему человечеству летят призывы покончить с братоубийственными войнами, образумиться, внять голосу человеколюбия.

Все это движение рассчитано на то, что люди убедятся в безмерной жестокости и даже нецелесообразности войн и, ужаснувшись злу, откажутся от него.

В чем коренится основная причина современных войн, как неразрывно они связаны с производственными отношениями империалистической эпохи, об этом не ставится вопрос буржуазными пацифистами.

И получается так: пацифисты призывают к человеколюбию человечества, вернее правящих классов, которыми и решается вопрос о каждой данной войне; эти господствующие классы созывают конференции, чтобы договориться, как прекратить войны, в то же время увеличивая вооружение; войны следуют одна за другой, и в разных странах проникнутые оппортунизмом социалистические партии голосуют военные кредиты „ради защиты демократического свободного отечества“...

Революционный пролетариат ставит вопрос другому:

„Война неотделима от капитализма, — сказано в резолюциях VI конгресса Коминтерна... Реакционным утопическим планам уничтожения войны пустыми фразами или договорами, революционный пролетариат противопоставляет продуманную марксистско-ленинскую теорию, как единственную основу действительной борьбы против войны...“

„Неравномерное экономическое и политическое развитие отдельных стран снова и снова порождает необходимость передела мира... Вместе с тем эксплуатация сотен миллионов пролетариев и колониальных рабов может продолжаться только ценой кровопролитных угнетательских войн...“

„Война неразрывна с капитализмом, и отсюда следует, что уничтожить войну можно только путем уничтожения капитализма. Всякие другие теории и пред-

ложения, какими бы реальными они ни казались, являются простым обманом с целью продлить систему эксплуатации и войн. Поэтому ленинизм отвергает все пацифистские теории об „отмене войны“ при капитализме и указывает рабочим массам и всем угнетенным единственный путь, который ведет к цели — свержению капитализма“.¹

Емсте с тем Коминтерн указывает рабочим массам мира, что необходимо делать различие между империалистическими войнами и оборонительной войной стран строящегося социализма против нападения империалистических стран. Выделяет он и вопрос о национально-освободительных войнах угнетенных народностей. Расшатывая мощь империализма, эти войны могут служить делу освобождения. Резолюции Коминтерна разоблачают пацифизм, требующий полного общего разоружения, так как такое требование оставляет безоружным пролетариат и потому является контрреволюционным по существу своему.

Как же был поставлен и решен вопрос в I Интернационале?

Когда получилось приглашение от Лиги мира, в Генеральном совете произошли прения.

Что пролетариат является противником войн, по этому вопросу не было разногласий.

Но все ли войны одинаковы? И возможно ли и нужно ли в борьбе против войны пролетариату выступать совместно с буржуазными миротворцами?

Противопоставляя буржуазному пацифизму пролетарское отношение к войне, Маркс высказался очень определенно и резко.

„На заседании Генерального совета я высказался против участия Интернационала в этом мирном фразерстве“, — писал он Энгельсу. Он опять говорил о том, что необходимо активно бороться с реакционной импе-

¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. VI, стр. 85.

риалистической Россией. Указывал, что „именитые господа“ из Лиги мира слишком трусливы, чтобы поставить вопрос об изжитии войны по-революционному.

Самое приглашение его, последовательного революционного борца, на этот буржуазный пацифистский конгресс, где дело должно было ограничиться одними благодушными разговорами, возмущало его как „наглость“.

Непримиримость Маркса, резкость его выступлений показали членам Генерального совета. Приятель Маркса Эккартс, ведший протокол, помещая потом в рабочей газете „Улей“ отчет о заседании Генерального совета, привел только несколько фраз Маркса, опустив то место его речи, где он говорил о необходимости войны против русского империализма.

Лозаннский конгресс, на котором преобладали мелко буржуазные прудонисты, единогласно высказался за то, чтобы „всецело присоединиться к конгрессу Лиги мира и свободы, энергично его поддержать и принять участие во всех тех мерах, которые он предпримет в целях освобождения рабочего класса и избавления его от власти капитала“.

Итак, Рабочее товарищество выступало вместе с буржуазной организацией по такому вопросу, разрешение которого буржуазия и пролетариат понимают по-разному. Произошло то, что происходит и сейчас, когда современные социал-соглашательские партии Запада выступают заодно с буржуазными пацифистами и находят в капитализме тенденции к изживанию войн. Произошла борьба двух течений — соглашательского и революционного, и верх взяло первое.

И однако уже в этой резолюции говорилось, что упрочение мира связано с новым порядком вещей, свободным от деления общества на два класса, из которых один эксплуатирует другой.

Вскоре воззрения пролетарской организации приобрели несколько большую четкость.

Вопрос был снова поставлен на конгрессе в Брюсселе в 1868 г. Его выдвинула явившаяся сюда в значительном количестве немецкая делегация. Пруссия явно готовилась спровоцировать войну с Францией. И вопрос был поставлен на конгрессе конкретно.

„Какое положение должны занять рабочие в случае войны между державами?“

Резолюция призывала рабочих путем всеобщих забастовок воспрепятствовать войне. В то же время она отмечала, что „главная и постоянная причина войны заключается в недостатке экономического равновесия и что поэтому войнам может быть положен конец лишь социальным преобразованием“.

Во время прений один из участников конгресса Цезарь де Пап удачно указал:

„Для прекращения войн существует два метода: первый заключается в отказе от военной службы или в прекращении работ... Второй метод... состоит в прекращении войн путем разрешения социального вопроса. Таков метод, осуществить который предстоит Интернационалу. При первом методе предстоит каждый раз начинать сначала. Только второй разрушает зло в его источнике“.¹

¹ Сравним с этим постановку этого вопроса Лениным и в тезисах Коминтерна. Ленин отвергает лозунг всеобщей забастовки как „всесильного средства“ безотносительно к конкретной обстановке и вне связи с общей классовой борьбой пролетариата. Ссылаясь на него, тезисы Коминтерна говорят: „...если коммунисты отвергают лозунг „ответа на войну всеобщей стачкой“ и предостерегают рабочих от таких иллюзий, причиняющих ущерб действительной борьбе против войны, то они отнюдь не отказываются от всеобщей забастовки, как орудия борьбы против войны и решительнейшим образом отвергают такой отказ от использования этого орудия, как оппортунистический уклон. На ряду с другими массовыми выступлениями (демонстрации, забастовки на заводах, работающих на оборону, забастовки на транспорте и т. д.) всеобщая стачка, как высшая форма стачечного движения, является одним из важнейших орудий и, будучи переходом к вооруженному восстанию, является стадией в превращении империалистической войны в гражданскую“.

(Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. VI, стр. 93.)

В соответствии с этой более четкой постановкой вопроса о причинах войн и способе их ликвидации I Интернационал изменил и свое отношение к Лиге мира. Он отклонил приглашение на новый ее конгресс и постановил считать излишним самое существование Лиги мира. Международное товарищество рабочих с его борьбой против капитализма одно только может повести к прекращению войн.

Не раз уже намечаемый Марксом вопрос о том, что войны могут носить разный характер и не ко всякой войне должен отрицательно отнестись пролетариат, не был обсужден на этих конгрессах. Для такой постановки его пролетариат оказывался еще недостаточно зрелым.

Так расчлененно его поставили лишь много лет спустя, в усложнившейся международной обстановке, в пору бурного национально-освободительного движения в полуколониальных и колониальных странах, и в виду необходимости защищать социализм, строящийся в одной стране, от натиска империалистических стран. Только тогда лозунг необходимости вооружения пролетариата и перехода войны между отдельными странами в гражданскую войну был поставлен во всей полноте, когда теория Маркса завоевала широкие массы рабочих и положения ее были развиты Лениным применительно к международной обстановке наших лет.

Здесь важно отметить только, как, при всей неполноте резолюций, рабочий класс, в среде которого боюлись различные идеологические направления, выделил два основных момента — неразрывную связь войн с капиталистическим строем и возможность их уничтожения только путем уничтожения капитализма.

ХII. ВОПРОС О СОБСТВЕННОСТИ

По этому вопросу прения велись подряд на трех конгрессах. Борьба двух тенденций — коммунистической и мелкобуржуазной — была трудной. Началось с

того, что в 1867 г. на Лозаннском конгрессе была принята резолюция о необходимости способствовать переходу транспорта и средств связи (почты, телеграфа) в руки государства, дабы уничтожить таким образом влияние крупных капиталистических компаний. И тогда же бельгийский депутат Цезарь де Пап внес предложение признать коллективную собственность на землю. Произошли прения, в которых приняли участие делегаты всех наций.

„Собрание сделалось свидетелем настоящей схватки между коммунизмом и свободой собственности“, — рассказывает прудонист, участник конгресса.

Голоса разделились, как и следовало ожидать. Представители стран развитого капитализма, англичане и немцы, высказались за коллективизацию земли; делегаты Италии и Франции, где мелкий товаропроизводитель преобладал и в промышленности и в сельском хозяйстве, энергично защищали частную собственность.

Под конец прудонисты заявили, что, так как делегаты конгресса к вопросу не были достаточно подготовлены, то они требуют перенесения его на следующий конгресс.

Маркс придавал большое значение вопросу о коллективизации земли. „Социальная революция должна начаться с самих основ, т. е. с земельной собственности“, — писал он.

Оттяжка вопроса не принесла успеха прудонистам.

На Брюссельском конгрессе вопрос о коллективной собственности был передан на обсуждение особой комиссии и затем вынесен на обсуждение конгресса.

Прудонисты настойчиво протестовали против „аграрного коммунизма“. Но исход голосования зависел не от них, не от вождей: рядовые бельгийские рабочие, которых было много на этом конгрессе (в виду его пребывания в столице Бельгии), голосовали, верные революционному инстинкту, на стороне Генерального совета, и конгресс принял резолюцию о том, что железные дороги и другие средства сообщения, и кроме того

леса, земли, занятые под сельские культуры, рудники, копи — все это до чего переги в коллективную собственность

Таким образом Международное товарищество рабочих открыло стало на ту платформу, которая в сущности заключалась уже и в „Учредительном адресе“.

Эти постановления Брюссельского конгресса имели огромное революционизирующее значение — они окончательно подорвали авторитет прудонистов, и так уже расшатанными победами марксизма на Женевском конгрессе и практическим развитием массового рабочего движения, шедшего в разрез с теориями Прудона и его последователей. Прудонизм оказывался изжившим себя, рабочее движение его переросло.

Теперь, после этих поражений, правое крыло прудонистов открыто пошло на сближение с буржуазией, выступая вместе с ней против коммунизма, заявляя, что будет бороться против него „повсюду и до конца“.

Другая — левая — часть примкнула вскоре к новому, революционно окрашенному, анархическому учению Бакунина, о котором речь будет дальше.

Вопрос о собственности был впрочем поднят и в Интернационале еще раз. В следующем же году на Базельском конгрессе произошел еще один, последний бой между коллективистами и защитниками индивидуального хозяйства, частного товаропроизводителя.

„Прудонисты, — по свидетельству одного из них, — боролись, оспаривали каждое слово, отступали шаг за шагом, но несмотря на их геройское и блестящее сопротивление при голосовании 54 голоса высказываются за коллективную собственность, 4 против, при 13 воздержавшихся и 4 отсутствовавших.“

„Тщетно парижане, — наивно говорит этот свидетель, — взывали к разуму, к природе, к логике, к истории, к науке.“ Наука и логика истории были, конечно, не на стороне прудонистов.

Базельский конгресс не только признал необходимым установить коллективную собственность на землю,

большинство его высказалось и за коллективную обработку земли.

Правда, группа членов съезда считала возможной передачу земли и частным лицам. Это было ближе к программе прудонистов, но от лица Генерального совета Эккариус высказался за сдачу земли государством в аренду сельскохозяйственным обществам, которые должны организовать крупное машинное земледелие, и большинство склонилось к этой точке зрения.

Таким образом в этом огромной важности вопросе руководимая Марксом часть Интернационала наметила далекие пути будущего, в наше время подтверждаемые историей.

ХIII. ВОПРОС О ПРАВЕ НАСЛЕДОВАНИЯ И ДРУГИЕ

На ряду с этими основными вопросами конгрессы Интернационала обсуждали ряд других: о машинах и влиянии их на положение рабочих, об организации взаимного кредита, об образовании, о том, не создастся ли при повсеместной организации рабочего класса в защиту своих интересов „пятое сословие, еще более обездоленное“ и как устранить эту опасность.

Прудонистские воззрения сказывались в постановке некоторых вопросов, иногда пробивались в резолюции. Марксисты старались направить прения на верный путь, внести поправки в духе научного социализма, если не удавалось провести целиком свои резолюции.

Так было например по вопросу о возможности образования „пятого сословия“. Часть делегатов указывала, что при организации товариществ, в которые только и могут вступать мелкие самостоятельные производители, а не чистые пролетарии, эти мелкие товаропроизводители окажутся в лучшем положении, чем те, кто будет вне производительных товариществ. Возникнет пятое сословие, еще более обездоленное. Эккариус напомнил тогда, что развитие капиталистической промышленности разрушает ремесло, и все опасения, что

создастся привилегированное четвертое сословие этим самым сводятся на-нет.

Ставились и организационные вопросы. На Базельском конгрессе была усилена власть Генерального совета, — это было необходимо в виду слабой связи между отдельными организациями Интернационала. Генеральному совету было предоставлено право временно, до очередного конгресса, исключать секции, действовавшие в разрез с принципами Интернационала.

Подымался опять и вопрос о стачках, против которых еще пытались вести борьбу прудонисты.

На Брюссельский конгресс многие секции прислали свои доклады по этому вопросу, и среди них были такие, которые стояли целиком на точке зрения Прудона. В том же 1868 г. один из наиболее революционных деятелей парижской секции, Варлэн, погибший впоследствии за Коммуну, заявлял от лица своих товарищей и своего, что они продолжают принципиально отвергать стачку „как средство антиэкономическое“. „Интернационалу принадлежит честь, — писал другой прудонист Фрибур, — провала всех попыток строительной забастовки в течение трех лет: 1865, 1866 и 1867 гг.“ Конечно, он имел в виду лишь деятельность прудонистской парижской секции и говорить от лица Интернационала не имел права.

Но кое-кто из прудонистов уже сдвинул позиции. Как было протестовать против стачечной борьбы, когда мощный порыв рабочих к улучшению своего положения повсеместно выливался в забастовки?

И на Брюссельском конгрессе прудонист Толлен принужден был признать стачку „священной войной“ за интересы рабочего класса.

Конгресс решил, что, хотя стачка не является средством полного освобождения рабочих, но в современной борьбе труда с капиталом она необходима, Конгресс даже постановил, чтобы во всех профессиях существовали „союзы сопротивления“, и признал необходимым создавать „федерации союзов сопротивления“.

Так в этом вопросе опять победил марксизм. Печаль его над прудонистами и в вопросе о политической борьбе пролетариата и о коллективной собственности, как мы уже говорили, имела решающее значение для рабочего движения.

После этого Интернационалу как будто окончательно было обеспечено единство.

На самом деле было не так.

На том же Базельском конгрессе перед Генеральным советом встала другая опасность — выступили новые, разлагающие Интернационал силы. Это сказалось при обсуждении вопроса о праве наследования. Он был включен в программу Базельского конгресса по требованию женевской секции, где большую роль играл русский революционер Михаил Бакунин. Он и его сторонники видели в праве наследования один из основных вопросов социального строя. Благодаря наследованию земельная собственность сосредоточивается в руках немногочисленной группы людей и является опорой их общественного влияния, — говорили они. — Уничтожение права наследования явится началом социальной революции.

Маркс расценивал эти рассуждения как „нелепость“ и видел в них громкие слова, явно рассчитанные на „мишкетный эффект“, желание показаться очень радикальным, в то же время затемняя и обходя более существенное в этом вопросе.

На конгрессе от имени Генерального совета Экарпюс доказывал, что наследование является одним из результатов современного экономического строя. С отменой частной собственности на средства производства отпадет и право наследования, — это будет следствием социальной революции. В переходный период, когда власть находится в руках пролетариата, могут быть приняты переходные меры — ограничение права завещания и установление высокого налога на наследство.

Развивая точку зрения Генерального совета (где Маркс, как мы уже видели, делал доклад по этому вопросу и

теоретически подготовил делегацию), лондонцы на конгрессе стремились к правильной постановке вопроса, к тому, чтобы следствие не выдавать за причину, не бить по следствию, когда нужно бить по причине.

Бакунин, приехавший на конгресс, выступил с длинной речью в защиту своего предложения.

При голосовании резолюция, предложенная от имени Генерального совета, была отвергнута; при этом прудонисты объединились со сторонниками Бакунина. Правда, предложение Бакунина тоже не прошло. Но все-таки оно собрало значительное количество голосов, и поражение Генерального совета было очевидным. Ясно было, что выступает новый враг, гораздо более опасный, чем прудонисты.

ХIV. МИХАИЛ БАКУНИН

Бакунин был сын тверского помещика, воспитывался за границей, как и дети многих зажиточных русских дворян в ту эпоху. Он слушал лекции германских профессоров, увлекался немецкой философией. Одно время он был в стороне от революционного движения.

Но в 1848 г., когда в Германии кипел революционный котел, и он ринулся в борьбу, принимая участие в национально-освободительном движении славян. В следующем году участвовал в восстании, поднятом в Дрездене. За эти выступления австрийское правительство приговорило его к смертной казни.

Прикованный цепью к стене, он сидел в крепости в Ольмюце. Потом, вместо казни, его выдали русскому императору Николаю I. В России он снова сидел в заключении — в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Только в 1857 г., когда на русском престоле был уже новый самодержец и наступили годы несколько менее жесткого правления, родные добились того, что крепость ему была заменена поселением

в Сибири. Оттуда он сумел убежать, и через Японию и Америку приехал в Европу. В 1861 г. он появился в Лондоне у русского эмигранта Герцена.

Вскоре он установил тесное общение с русскими революционерами (особенно близок он был с Нечаевым) и пытался наладить связь между ними и западноевропейскими революционерами.

В деятельности его была доля беспокойного авантюризма и погони за эффектом, много шума и порой безответственности. В этом он был противоположностью Марксу. Последний знал его с 1844 г. и относился к нему критически.

Но в некоторых отношениях они стоили друг друга: упорством в борьбе, революционной страстью, даром увлекать людей.

В год возникновения Международного товарищества рабочих Михаил Бакунин основал „Союз международных братьев“. Это было тайное общество для пропаганды анархизма и борьбы со всякой властью. И в том же 1864 г. Бакунин виделся в Лондоне с Марксом и обещал ему вступить в Международное товарищество рабочих, но, уехав вслед затем в Швейцарию и получив там пересланные ему Марксом устав Интернационала и „Учредительный адрес“, ничего не сделал для пропаганды идей, заключавшихся в них. Он иначе понимал и задачи, и пути социальной революции и опирался на другие слои населения, нежели Маркс и его единомышленники. Его взгляды, по его собственному признанию, были „расширенной, развитой системой Прудона“. Повторилось то, что, говоря словами Маркса, в истории встречается повсюду: „устаревшее пытается снова подняться и укрепиться в новых формах“.

Как и Прудон, он был противником политической организации, государственности, противником коммунизма и принципиальным защитником неограниченной индивидуальной свободы.

„Я ненавижу коммунизм, — заявил он однажды, — ибо он отрицает свободу, а без свободы невозможно

развитие человеческой личности. Коммунизм усиливает государство“. „Я хочу полного уничтожения государства, — заявлял он, — необходимо предоставить массам свободу организации снизу вверх“.

Но, если анархизм Прудона был мирным, Бакунин свою систему окрашивал в революционные цвета, провозглашая необходимость немедленного восстания, бунтов, во что бы то ни стало.

Правда, успехи рабочего движения, нарастание революционных настроений в широких массах в конце шестидесятых годов заставляли и Маркса рассчитывать на близость революции. Но методы ее по Марксу были иные, чем по Бакунину. И носитель этой будущей социальной революции для Маркса был иной, чем для Бакунина.

* „На нашем знамени, — говорил Михаил Бакунин, — огненными кровавыми буквами начертано: разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация вольных союзов. *Организация разнузданной рабочей черни*, создание нового общечеловеческого мира“.

Марксизм учит, что для успешной социалистической революции необходимой предпосылкой является известное развитие капиталистических отношений. Рабочий класс, благодаря своему положению в капиталистическом обществе, должен будет сыграть решающую роль в социальной революции. Но, чтобы подготовить его к гегемонии, к руководству полупролетарскими слоями населения и в момент революции, и в переходный период к коммунизму, нужно планомерное развитие классовой организации пролетариата; рабочий класс должен воспитаться в боях с капиталом. В письмах Маркса встречаем такие слова:

* „Мы говорим рабочим: вы должны пятнадцать, двадцать, пятьдесят лет вести гражданские и международные войны не только для того, чтобы изменить внешние условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству“.

Для Бакунина ни предварительной организации, ни политического воспитания масс не надо. На первом месте бунтарская стихия.

„Нищета и отчаяние масс — верный путь к социальной революции“. „Из глубин народного инстинкта воспитанного горьким опытом, выработается общий родной идеал“. „Всякий бунт, как бы неудачен он был, всегда полезен“. „Бунты разрозненные в конце концов сольются в один бунт“.

Для руководства же этой стихией достаточно в решающий момент небольшой группы заговорщиков. „Ста человек достаточно, чтобы совершить социальную революцию во всей Европе“.

Движущие силы этой революции для Бакунина это деклассированная интеллигенция, люмпенпролетариат и крестьянство. К организованному фабричному пролетариату он относился с недоверием, видя в нем зачатки аристократизма и считая, что он заражен буржуазной культурой. Отрицательные стороны, присущие какой-нибудь оппортунистической верхушке пролетариата в Англии например, он распространял на весь организованный пролетариат и искал союзников в других слоях.

„В нищенском пролетариате весь ум и вся сила будущей революции“, говорил он.

В другом месте он так писал о тех, на ком обременял свои надежды:

„В Италии есть то, чего недостает другим странам: пылкая, энергическая молодежь, *деклассированная*, без видов на карьеру... Она, *очертя голову*, бросается в революционный социализм, со всей нашей программой, с программой „Альянса“¹.

Правда, большой заслугой Бакунина было указание на важную роль крестьянства в революции. Однако он не видел расслоения в крестьянстве, не учитывал, что часть его должна тянуть к буржуазии, непрерывно переходя в ее ряды.

¹ Об Альянсе см. дальше.

Резко выступающая в этих высказываниях разница воззрений Бакунина со взглядами Маркса понятна.

Воззрения Маркса и Энгельса сложились после наблюдения над жизнью передовой промышленной страны — Англии. Они изучали борьбу ее пролетариата в сороковых годах XIX века и ход капиталистического развития Западной Европы.

В первые годы Интернационала марксизм находил опору в английском рабочем движении (пока в нем не занял опять верх оппортунизм), а затем в рабочих Германии, которая с середины XIX столетия быстро идет по пути экономического прогресса.

Социальные корни бакунизма были иными. Его питали экономически отсталые страны, где в 60-х годах еще только совершался промышленный переворот. Ростом капитализма здесь были глубоко затронуты разные социальные группы — ремесленники, крестьянство. Классовые противоречия давали себя знать чрезвычайно остро и революционизировали массы. Но идеология их еще была идеологией деклассированного буржуа.

Рабочий класс был еще сравнительно немногочислен, недостаточно сознавал свое положение в капиталистическом обществе и был в значительной мере идеологически близок обнищавшему ремесленнику и крестьянину.

Ни в Англии, ни в Германии бакунизм почти не находил сторонников, зато был сильно распространен в Италии, Швейцарии, Испании.

До конца шестидесятых годов Бакунин успел побывать в одной буржуазной международной организации, Лиге мира и свободы, о которой говорилось выше, поспорить и уйти из нее. В 1868 г. он основал новое общество: „Союз социалистической демократии“ („Альянс“, как его стали называть, так как по-французски „альянс“ значит союз.) И в том же году он вновь заявил о своем желании вступить в Интернационал.

22 сентября 1868 г. Бакунин писал из Женевы в Лондон Марксу:

„Мой старый друг! Больше чем когда-либо я теперь

понимаю, насколько ты прав, когда идешь по великому пути экономической революции и призываешь нас вступить на него, презирая тех, которые блуждают на окольных дорожках чисто национальных или чисто политических затей. Теперь я делаю то, что ты делаешь уже в течение двадцати лет. После торжественного публичного разрыва с буржуазией я не признаю другого общества, никакого другого мира, кроме мира рабочих. Мое отечество теперь Интернационал, к числу самых выдающихся учителей которого ты принадлежишь. Таким образом, дорогой друг, я твой ученик и горжусь этим...

На сурового Маркса это письмо не произвело впечатления.

Он уже был уверен, что Бакунин просится в Интернационал с затаенной целью направить его деятельность по-своему.

Под влиянием Маркса Генеральный совет решил не допускать в Международное товарищество рабочих другую организацию с отдельным уставом и программой. Так и было сказано Бакунину. Тогда Бакунин заявил, что распускает „Альянс“ и вступит в Товарищество на тех же основаниях, как и другие члены.

Однако на деле он поступил не так.

Конечно Бакунин пришел в Интернационал не с тем, чтобы принимать теории Маркса и его тактику. Он, правда, отдавал должное Марксу и организации, руководимой им.

„Интернационал несомненно превосходное учреждение, — писал он одному из своих друзей; — он положил основу солидарности рабочих всего мира. Он дал им начатки организации... Он внушил пролетариату всего мира сознание своей силы“.

Но Бакунин считал, что этого еще мало. Интернационал не готовит рабочих к революционному выступлению, к восстанию. Прямая открытая деятельность организации, желавшей базироваться на массовом рабочем движении, не удовлетворяла его, сторонника тактики заговоров, бунтов во что бы то ни стало, немедленной революции.

„Возьмите, — писал он, — самую многочисленную секцию Интернационала. Разве она организована для боя? Вы знаете хорошо, что нет. На тысячу рабочих день боя вы самое большое наберете одну или две сотни бойцов“.

Этот недостаток должен был пополнить „Альянс“, который Бакунин, вступая в Интернационал, объявил распущенным, но который в действительности сохранил как тайную организацию внутри Интернационала. „Он (Альянс) представляет собой тайное общество, организованное в лоне Интернационала, чтобы дать подпольному революционному организации“, — писал он одному испанскому анархисту.

Сохранив свое тайное общество и стремясь сделать его главной пружиной Интернационала, Бакунин старался подорвать влияние Маркса и Генерального совета и вел соответствующую агитацию.

„Бакунин, интриговавший против Интернационала до 1868 г., вступил в него... и сейчас же начал внутри Интернационала устраивать заговоры против Генерального совета“, — с досадой говорил Энгельс.

Выступление на Базельском конгрессе было лишь одним из целого ряда действий, которыми он и его друзья пытались дезорганизовать Интернационал.

Маркс именно так это расценивал. В тайном сообщении своим единомышленникам он писал, что Бакуниным вопрос о наследовании возбужден из тактических соображений, что Бакунин хотел показать всем, что вот его принципы, а не принципы Генерального совета торжествуют в Интернационале. Подкапываясь под авторитет Генерального совета, Бакунин надеялся, что лондонский Генеральный совет после поражения на конгрессе выйдет в отставку, и Бакунин добьется, чтобы новый Генеральный совет перешел в Женеву, где он будет под ближайшим руководством Бакунина.

Когда это не удалось, бакунинцы стали выражать протест против централизма в организации, против власти Генерального совета, заявляли, что „Интер-

национал должен быть свободным естественным союзом автономных обществ". В тот момент, когда они рассчитывали захватить Генеральный совет в свои руки, они голосовали за усиление его власти, когда же расчет не оправдался, они опять выступили ярыми сторонниками свободы и автономии секций и противниками деспотизма Генерального совета,—так обвинял Маркс Бакунина.

Между тем Бакунину удалось сагитировать значительную часть швейцарских секций, образовать из них так называемую и Юрскую федерацию и, которая боролась против другой, более старой—„Романской федерации“, поддерживавшей связь с Генеральным советом. Две газеты Юрской федерации полны были злостных нападок на Генеральный совет, упрекали его в превышении полномочий, в невыполнении обязанностей, в промахах. Критика велась неделовая и с явной целью подорвать влияние руководимого Марксом органа.

XV. ВОЙНА 1870 ГОДА И КОММУНА

Так обстояли дела в Международном товариществе рабочих, когда перед ним встали огромные трудности.

В 1870 г. летом началась война Пруссии с Францией. Обе стороны готовились к ней уже давно. Стремясь наблюдать рост оппозиции в рядах буржуазии и революционный подъем в рабочих массах, Наполеон III надеялся военными успехами укрепить пошатнувшийся трон, примирить с собой буржуазию. Прусский министр Бисмарк видел в удачной войне путь к объединению Германии под главенством Пруссии. Он ждал только случая спровоцировать Францию, чтобы представить германским патриотам войну как оборонительную. Ему это удалось. Французское правительство 19 июля 1870 г. объявило войну Пруссии.

Мы уже говорили, что, предвидя войну, Брюссельский конгресс постановил рекомендовать рабочим посредством стачек бороться против нее. Маркс тогда расценивал это постановление как бессмыслицу. Действи-

тельно, рабочее движение было еще слишком молодым, его организации — недостаточно сильными, чтобы помешать войне, приостановить мобилизацию, перевозку армий. И, наконец, в рабочих массах не было полного единства.

Не будучи в силах помешать войне, Интернационал считал необходимым выявить свое отношение к ней, использовать ее как воспитательное средство рабочих масс.

Перед самым объявлением войны парижская секция опубликовала манифест, к „немецким братьям“ с протестом против войны. Немецкие рабочие ответили заверением, что в их сердцах нет ни малейшей национальной вражды. В Северо-германском рейхстаге депутаты Либкнехт и Бебель воздержались от голосования военных кредитов (впрочем, среди немецких социал-демократов и тогда нашлась группа, которая заявила, что, раз война является оборонительной для Германии, то и рабочие должны занять оборонительную позицию). Генеральный совет тоже поспешил издать манифест, в котором отмечал важность небывалого в истории обстоятельства: „В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную бойню, немецкие и французские рабочие обмениваются мирными и братскими посланиями. Это выступление показывает, что, в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием, нарождается новое, которое принесет международный мир“.

В то же время, проникательно расценивая силы противника, Маркс, написавший манифест, предупреждал, что час второй империи пробил.

Действительно война очень быстро привела к полному разгрому армий Наполеона III. Империя пала, и во Франции установилась республика.

Французская буржуазия призывала теперь рабочих забыть разногласия и принести самые дорогие принципы на алтарь отечества, объединиться на его защиту“. И надо признать, что часть рабочих, видя поражение и бедствия страны, поддавалась этим призывам.

Напротив, руководящие деятели Интернационала, стремясь удержать массы от ловушки, советовали использовать свободы, которые принесла республика, для организации рабочего класса, иначе он легко станет игрушкой в руках буржуазии. Они напоминали, что „буржуазии не приходилось и не придется ничем жертвовать, а народ снова будет обманут“.

Так руководством I Интернационала практически, на деле, был поставлен вопрос о превращении внешней войны в гражданскую.

В то же время Маркс в новом манифесте от лица Генерального совета призывал германских рабочих не допускать, чтобы прусское правительство превратило войну в завоевательную, противиться отторжению земель от победенной сгрны. Если война и была оборонительной, то теперь, когда империя пала и французской угрозы больше не существует, Германия должна заключить мир с республикой.

Немецкие социал-демократы опубликовали этот манифест. Ответом на него были их аресты.

Прусское правительство продолжало войну. После ряда новых поражений и длительной осады Парижа, Франция заключила унижительный мир, уступив победителям Эльзас-Лотарингию и обязавшись уплатить пять миллиардов контрибуции.

Правительство республики („Правительство национальной обороны“) пошло на это, стремясь развязать себе руки для расправы с внутренним врагом. В стране, начиная с осени, было несколько попыток восстания. Одно из них было организовано Бакуниным, желавшим „спасти Францию при помощи анархии“. Восстания эти быстро подавлялись. Однако под влиянием позорного мира, заключенного той самой буржуазией, которая перед тем призывала рабочих не жалеть жертв, массы революционизировались. Тяготы только что пережитой войны, голод и отношение правительства, не желавшего считаться с бедствиями рабочих и мелкой буржуазии,

усиливали недовольство, и 18 марта в Париже дело приняло иной оборот: в ответ на попытку правительства разоружить национальную гвардию, население подняло восстание. Правительство бежало в Версаль, и в Париже возникла Коммуна.

Во Франции началась гражданская война.

В совет Коммуны вошли члены парижской секции, в числе их Варлен. Однако они, как и бланкисты, были здесь в меньшинстве. Преобладали мелкобуржуазные республиканцы.

Генеральный совет не имел отношения к возникновению Коммуны. Но ее геройская борьба с буржуазным правительством, стянувшим в Версаль войска, ее законодательство привлекали напряженное внимание Интернационала и его вождей.

Маркс пытался из Лондона поддерживать переписку с восставшим Парижем. В пакетах одного купца, ездившего из Лондона в Париж, передавались сведения и несколько раз перевозились письма Маркса и вождей Коммуны.

„Я был бы рад, если бы вы помогли мне советом,— писал Марксу один из видных деятелей Коммуны:— я теперь один несу ответственность за все реформы, которые хочу провести в департаменте общественных работ“.

Маркс давал советы, предостерегал вождей от ошибок.

„Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счета,— писал он Варлену:— повидимому, на ряду с влиянием рабочих есть, и другие влияния“.

Одновременно он писал статьи в газеты: „Мне удалось от времени до времени помещать контрабандой благоприятные для Коммуны статьи“, говорил он.

Он без усталости агитировал, стараясь повлиять на общественное мнение в пользу этой кучки людей, пытавшихся в одиноком городе создать новый мир.

Эти месяцы, что продержалась Коммуна (с 18 мар-

та по 29 мая), были для него страдной порой. По его словам, он за это время ни разу не лег спать раньше трех часов утра.

„По вашему делу, — пишет он коммунарам через своего купца, — я написал несколько сот писем во все углы и концы света, где у нас имеются связи“. „Рабочий класс Англии был с самого начала на стороне Коммуны“, — пишет он с удовлетворением и добавляет, что даже английские буржуазные газеты отказались от своего первоначального отрицательного отношения. Это — результат его стараний.

С удовольствием сообщает он в Париж, что во французской провинции началось движение, кое-где на выборах городских советов прошли члены Интернационала.

Он дает советы коммунарам, как лучше защищать Париж от версальских войск, какие линии обороны лучше укрепить. Как только он узнал, что между версальским правительством и Германией подписан окончательный мирный договор, он сейчас же предупреждает об этом Коммуну. Надобно быть энергичнее, не терять времени, опасность удвоилась. По мирному договору версальское правительство начнет уплачивать контрибуцию Германии только после того, как уничтожит Коммуны. Значит немецкие власти тоже заинтересованы в ее падении.

В переписке с друзьями в эти месяцы он восхищается коммунарами, нашедшими в себе мужество для восстания после шестимесячного голодания, всех ужасов осады и в виду врага, не ушедшего еще от ворот Парижа.

„Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!“. „Они осуществили предварительное условие всякой народной революции, разрушив бюрократически-военную машину, которой пользовалось буржуазное государство... Если они окажутся побежденными, то благодаря своему великодушию: они медлили с началом гражданской войны и дали врагу время собрать силы“.

В этих же письмах он отмечает, какое огромное значение для опыта мирового рабочего движения имеют парижские события.

„Борьба рабочего класса с классом капиталистов и их государством вступила в новую фазу. Чем бы непосредственно дело ни кончилось, на этот раз новый исходный пункт всемирно-исторического значения все-таки завоеван“.

Не один Маркс с таким интересом и участием следил за борьбой Коммуны.

В прусском рейхстаге депутат рабочих, токарь Август Бебель смело сказал перед буржуазными депутатами: „Весь европейский пролетариат с надеждой смотрит на Париж...“

„Борьба в Париже, — сказал он, — только небольшая стычка передовых отрядов. Не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижских рабочих: „Война дворцам, мир хижинам, смерть нужде и праздности“, — станет боевым кличем всего европейского пролетариата“.

Конечно, все это сочувствие, заботы и внимание не могли быть настоящей поддержкой коммунарам против версальских войск. Но что могли сделать вожды рабочих в Англии или Германии? Какие силы были в их руках, чтобы защитить Коммуну от буржуазии, располагавшей армией, деньгами? В то время пролетариат даже в передовых странах не был так силен, как в 1930 г., когда он сдерживал готовность своих правительств выступить против СССР. Правительства не считались с рабочими в такой мере, чтобы в угоду им или из опасений перед ними изменять что-нибудь во внешней политике.

Для подавления Коммуны немцы вернули версальскому правительству 130 000 пленных французских солдат. В распоряжении версальцев теперь была прекрасная армия, и они сообщили об этом по всей Франции, возбуждая всюду в буржуазии ненависть к коммунарам и уверенность в победе над ними.

В конце мая Коммуна была разбита. Сопротивление ее было сломлено версальцами.

В два дня Маркс написал большую статью, которая была опубликована как обращение Генерального совета к рабочим всего мира.

Статья вскрыла значение событий, происшедших за последние месяцы в Париже, и дала оценку опыта Коммуны.

„Коммуна была правительством рабочего класса,— говорил Маркс,— в ней могло совершиться экономическое освобождение труда“... „она могла служить к ниспровержению классового господства...“

„Рабочий Париж с его Коммуной будут вечно прославлять как провозвестника нового общества. Мученикам Коммуны воздвигнут алтарь в великом сердце рабочего класса“, — заявлял Маркс.

Если Интернационал не участвовал в создании Коммуны, то теперь он объявил себя солидарным с ней.

Манифест Генерального совета вызвал чрезвычайное раздражение в буржуазных кругах. И Маркс тотчас же заявил, что он — автор манифеста. Тогда злоба обрушилась на него. Ему угрожали судебным преследованием.

„... В настоящее время я имею честь быть тем человеком в Лондоне, которого больше всего осыпают клеветой и угрозами,— писал Маркс. — Это даже приятно после томительной двадцатилетней болотной идиллии...“

Порицали Маркса за высказанную солидарность с Коммуной не только буржуа, но и некоторые социал-демократы: они испугались, что он этим повредил Интернационалу. Лучше было отмежеваться от ее ошибок и промахов, — думали они.

Однако такой путь не был свойственным Марксу.

28 мая, со дня взятия последних баррикад рабочего Парижа, версальское правительство начало расправу: расстрелы и приговоры на каторгу.

Кто мог из коммунаров, тот спасся бегством В Лондон хлынули эмигранты. Генеральный совет, в кассе которого и так всегда были нехватки, принял на себя первые заботы о беглецах: выдавал пособия, подыскивал занятия.

VI. УРОКИ КОММУНЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вокруг поверженной Коммуны разгорелись новые споры в Интернационале.

Маркс подошел к анализу опыта Коммуны без предвзятой точки зрения, со смелостью революционного мыслителя.

„Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него тактические уроки“. „Он учится у опыта Коммуны, — говорил Ленин, — как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса...“

„В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию, — вот как поставил свою задачу Маркс“.¹

Анализ опыта Коммуны, сделанный Марксом, был затемнен впоследствии социал-демократами, но очищен от искажений и развит Лениным.

Какие же уроки извлек Маркс из опыта Коммуны?

1) Она осуществила предварительное условие всякой народной революции, разрушив бюрократическо-военную машину, которой пользовалось буржуазное государство.

¹ Ленин. Собр. соч., т. XXI, стр. 393—394.

2) Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей...

„В этих словах: „сломать бюрократически-военную государственную машину“, — пишет Ленин, — заключается кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству...”

„Основной и главный урок Парижской Коммуны. Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его как существенную поправку к Коммунистическому манифесту“ (Ленин, XXI т., 394).

Второе, что отмечает Маркс в опыте Коммуны, — что „она была определенной формой такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство“.

На место парламентской организации она поставила работающую корпорацию, члены которой и законодательствовали и исполняли законы.

В этом смысле Коммуна была предшественницей власти Советов.

„Она была давно искомой формой, в которой могло совершиться освобождение труда“.

Вопрос этот — о государственном аппарате — возбуждает споры и сейчас: в то время как анархисты продолжают настаивать на необходимости немедленного после переворота уничтожения государственного аппарата, „оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел его же не преjdeши, и разбивали себе лоб, молясь на этот образец, объявили анархизмом всякое стремление сломать эти формы“ (Ленин, XXI т., 408).

В связи с этим важно установить, как смотрели на это основатели научного социализма.

„Обычная критика анархизма у современных социал-демократов, — пишет Ленин, — свелась к чистой-шей мещанской пошлости: „Мы-де признаем государство, анархисты — нет“... Энгельс говорит иное. Он подчеркивает, что все социалисты признают исчезновение государства, как следствие социалистической революции, но вместе с тем и Маркс и Энгельс считали необходимым сохранение государства на переходный период“. (Ленин, т. XXI, 418).

„Государство есть лишь переходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавлять своих противников“ — писал Энгельс.

С этим вопросом был тесно связан и вопрос о тактике пролетариата, о необходимости организации его в политическую партию. Споры кипели вокруг этих вопросов.

XVII. РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА И РАСКОЛ В ЕГО СРЕДЕ

Мы уже говорили, с какой тревогой и раздражением правящие классы отнеслись к рабочей организации в первые же годы ее существования.

После Коммуны все эти чувства — и ненависть к Интернационалу, и страх перед ним — достигли предела.

Надобно было раздавить международное рабочее движение и организацию, руководившую им.

Французский министр, а вслед за ним испанский, обратились к европейским правительствам с призывом сообща принимать самые суровые меры против Международного товарищества рабочих.

Мысль о совместном походе буржуазии разных стран против организованного пролетариата возникла таким образом давно, как только зародилась международная организация пролетариата. Предприятие не осуществилось лишь благодаря тому, что английский премьер-

министр отказался участвовать в нем. Зато по отдельным странам репрессии были беспощадны. Началось, конечно, во Франции.

„Никогда не будет известно, сколько тысяч коммунаров было расстреляно за неделю с 23 мая, — говорит один историк Коммуны. — Разрешений на погребение на парижских кладбищах было дано семнадцать тысяч. Но большинство судов не вело никаких списков, и расстрелянных кучами хоронили без всяких записей и формальностей в огромных ямах, городских скверах, крепостных рвах“.

После этой расправы ряды революционных рабочих были опустошены во Франции.

В Германии тоже шли сильные преследования. Отношение социал-демократов к войне не прошло им даром. Выступление Бебеля с приветом Коммуне еще больше озлобило власти.

Нельзя было арестовать депутатов рейхстага, — они были неприкосновенны. Но когда закончились заседания рейхстага, Бебель и Вильгельм Либкнехт, поддерживавший его, оба поплатились заключением в тюрьме за свои симпатии к Коммуне.

Волна суровых преследований обрушилась и на рабочие организации: их закрывали, вождей арестовывали.

В других странах Европы происходило то же самое: рабочие не смели больше говорить о том, о чем не давно говорили открыто, не смели вести борьбу...

Если война 1870 г. помешала Генеральному совету созвать очередной конгресс, то в 1871 г. не пришлось его созвать из-за повсеместных репрессий.

Между тем необходимость в съезде и обсуждении ряда вопросов была очень велика.

Анархизм продолжал расти. Опыт Коммуны Бакунина и его сторонники использовали по-своему. Они увидели в нем то, что хотели видеть, — подтверждение их взглядов на необходимость разрушения государства. Бакунин иронизировал: Коммуна вот выбросила в сор-

ный ящик идеи Маркса, а он принужден был обнажить перед Коммуной голову.

Бакунин мог так говорить: он не желал понимать, что, разрушив буржуазную государственную машину, служившую для подавления большинства населения, Коммуна начала создание нового государственного аппарата, который нужен для подавления меньшинства большинством в переходный период, пока буржуазией оказывается сопротивление строящемуся новому обществу.

В виду репрессий Генеральный совет решил созвать закрытую конференцию, как это было в первый год существования Интернационала. Местом ее мог быть только Лондон, — нигде на континенте нельзя было собраться без риска угодить всем вместе в руки полиции. Но и в Лондон приехало всего 23 делегата, — настолько трудно было положение секций Интернационала.

И конечно, чем сильнее был натиск врагов, тем решительнее надо было поддержать единство и дисциплину в своих рядах.

Конференции пришлось рассмотреть вопрос о дезорганизующей деятельности бакунистов. Травля Генерального совета в их газетах продолжалась. Юрские секции, руководимые Бакуниным, вытесняли прежнюю женевскую федерацию, стоявшую за линию Генерального совета. Раскол назревал. Конференция постановила призвать юрские секции к солидарности, в виду усилившихся гонений на рабочее движение, но, чтобы не обострять отношений разрешила им назваться юрской федерацией, отдельной от женевской. Одновременно она запрещала секциям принимать названия, которые говорили бы о целях, отличных от целей Интернационала.

Вместе с тем конференция с полной определенностью высказалась по принципиальному вопросу, вокруг которого и шла фракционная война в I Интернационале — по вопросу о политической борьбе.

Резолюция конференции напоминала, как ставился этот вопрос до сих пор в Интернационале. Устав и „Учредительный адрес“ признавали необходимость этой борьбы. „Завоевание политической власти является первой обязанностью рабочего класса“, — было сказано в свое время в „Учредительном адресе“. Потом Лозаннская конференция признала, что „социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения“.

Напомнив обо всем этом, резолюция указывала на рост повсюду в Европе необузданной реакции, которая „путем грубой силы хочет сохранить разделение на классы и вытекающее из него политическое господство имущих классов“. „Против коллективной власти господствующих классов говорилось, — в резолюции, пролетариат может действовать как класс только в том случае, если он образует отдельную политическую партию, противоположную всем прежним партиям, созданным господствующими классами“. На основании всего этого конференция напоминает членам Интернационала, что „в боевом плане рабочего класса экономическое движение и политическая деятельность связаны между собой неразрывно...“

На этой же конференции был поставлен на обсуждение еще один важный вопрос — аграрный.

Поражение Парижской коммуны было в известной мере следствием того, что у пролетарского Парижа отсутствовала связь с крестьянством.

Конференция предложила Генеральному совету и комитетам федераций приготовить к следующему конгрессу доклады относительно того, как обеспечить присоединение к международному пролетарскому движению крестьян („земледельческих производителей“).

Пока же конференция рекомендовала своим комитетам в разных странах посылать в деревни делегатов для пропаганды идей Интернационала и основания земледельческих секций.

VIII. БОРЬБА БАКУНИНА ПРОТИВ МАРКСИСТСКОГО РУКОВОДСТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

„Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариям в деле „налаживания“ социалистического хозяйства“.

Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 386.

Бакунин и его сотрудники не желали примириться с решением Лондонской конференции и на постановление ее ответили усилением агитации против деспотизма Генерального совета, обвиняя Маркса в узурпации власти.

Конечно, один Бакунин не был бы опасен, но его пропаганда имела успех. Число его сторонников росло. Где он их вербовал?

В наиболее отсталых странах, в тех странах, экономическое развитие которых сильно запоздало, — в Италии, Испании, Швейцарии, где ремесленников было еще больше, чем рабочих, профессиональных союзов не существовало, пролетариат не был обособившимся классом, — он сливался с мелкой буржуазией.

На одном из конгрессов итальянский делегат так рассказывал об итальянских рабочих:

„Это правда, у нас нет крупных промышленных центров... В Италии, за исключением нескольких местностей, каждый работает у себя на дому и за свой счет; там вы найдете на одной и той же улице, отделенных друг от друга только одной перегородкой, сапожников, плотников, кузнецов, механиков, ювелиров, токарей“.

Проповедь анархизма быстро усваивалась ими.

Особенно усердных сторонников Бакунин нашел среди мелких часовых ремесленников в Швейцарии, в

Юрских горах. Они работали у себя по деревушкам на крупного торговца. Конкуренция крупного капитала все время угрожала пустить их по миру. Живущим в горных поселках, отделенным большими пространствами друг от друга, им было не до политики. Но мысль с таким обществом, где все были бы свободны и равны, была уже посеяна среди них агитаторами из местной интеллигенции, учителями, врачами.

Здесь Бакунин встретил подготовленных учеников и вскоре стал пророком этой массы озлобленных ремесленников, рабочих, только что вышедших из крестьян и мечтавших о немедленном уничтожении крупного капитала, который нарушал привычный ход их жизни, привычные производственные отношения. Таким же необходимым казалось им и немедленное уничтожение государства, обеспечивавшего капиталу невозбранную эксплуатацию труда.

Через два месяца после Лондонской конференции бакунинцы созвали съезд швейцарских анархистских секций и обратились ко всем федерациям Интернационала с приглашением требовать скорейшего созыва конгресса. Группа лиц, привыкших быть несменяемыми руководителями Интернационала, — утверждали они, — навязывает свою волю секциям и подчиняет их деспотической власти Генерального совета.

Анархисты требовали автономии секций и ограничения деятельности Генерального совета статистикой рабочего движения и перепиской между секциями.

Борьба против марксистского руководства перекинулась из Швейцарии в Италию, в Испанию. Там анархисты исключали из Интернационала марксистов, марксисты — анархистов. Число анархистских секций было там значительно больше, чем секций, верных линии Генерального совета.

Борьба ожесточалась с каждым месяцем.

Раскол в Интернационале озабочивал его руководителей, как Маркса, так и Энгельса, к этому времени переселившегося в Лондон и вошедшего в Генеральный

совет. В их переписке то и дело встречаются страницы, посвященные раскольничьей деятельности Бакунина и доказывающие необходимость политической организации рабочего класса и борьбы за овладение политической властью.

Вскоре после Лондонской конференции Маркс писал одному из друзей:

„Его программа, — писал Маркс в ноябре 1871 г., — это понадерганная отовсюду мешанина: членам Интернационала диктуется равенство классов,¹ отмена наследственного права, как исходный путь социального движения (сен-симонистские бредни),² атеизм, как догма, а главной догмой выставляется воздержание от участия в политике (по-Прудону)“.

„Эта детская азбука нашла себе распространение (и до известной степени еще держится) в Италии и Испании, где мало развиты реальные основы рабочего движения...“

Перейдя дальше к вопросу, вызывавшему борьбу, он писал:

„Политическое движение рабочего класса имеет, само собой разумеется, конечной целью завоевание им „политической власти“, а для этого до известного момента необходимо развитие „предварительной организации рабочего класса“, само собой вырастающее из экономической борьбы рабочего класса“.

Маркс доказывал, что в капиталистическом обществе борьба рабочих за улучшение своего положения неизбежно приводит их к политической борьбе, что иначе не может быть.

„...Каждое движение, в котором рабочий класс *как таковой* противостоит господствующим классам и оказывает на них давление посредством „давления извне“, есть политическое движение. Например попытка принудить отдельного капиталиста при помощи стачки и т.д.

¹ Не уничтожение классов, а равенство их.

² Сен-Симон — утопист конца XVIII, начала XIX века.

к сокращению рабочего дня на отдельной фабрике или в мастерской будет чисто-экономическим движением, напротив, движение в пользу закона о восьмичасовом рабочем дне и т. д. будет уже политическим. И этим-то путем повсюду из отдельных экономических требований рабочих вырастает движение политическое, т. е. движение класса, чтобы этим путем добиться осуществления его интересов в общей форме, т. е. в форме, имеющей принудительный характер для всего общества...

„Там, где организация рабочего класса еще не настолько развита, чтобы он мог вступить в решительное сражение с коллективной властью, т. е. с политической властью господствующих классов, там он к этому делу должен быть подготовлен непрерывной агитацией против враждебной нам политики господствующих классов. В противном же случае он сделается игрушкой в их руках...“

Энгельс дал Бакунину такую характеристику:

„У Бакунина — своеобразная теория, смесь из прудонизма и коммунизма, причем для первого характерно то, что он считает главным злом, подлежащим устранению, не капитал, не классовые противоречия между капиталистами и рабочими, возникшие благодаря общественному развитию, но государство. В то время как массы социал-демократических рабочих, так же как и мы, держатся того взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую дали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты, для того чтобы защитить свои общественные привилегии, — Бакунин утверждает: „государство создало капитал, капиталист обладает своим капиталом только благодаря милости государства“.

„Так как, следовательно, государство является главным злом, то нужно прежде всего уничтожить государство, тогда и капитал сам собой погибнет. Мы же говорим наоборот: „уничтожьте капитал — сосредоточение всех средств производства в руках немногих, тогда

само собой отпадет государство“. Тут существенная разница: отмена государства без социального переворота — бессмыслица. Уничтожение капитала есть общественный переворот и включает в себя преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть основное зло, то ничего не следует делать, что могло бы поддержать жизнь какого бы то ни было государства: республики, монархии и т. п. Поэтому безусловное воздержание от какой бы то ни было политики. Совершить политическое действие, в особенности принять участие в выборах — это измена принципу. Надо вести пропаганду, поносить государство, организоваться, и когда наконец будете иметь на своей стороне всех рабочих, — следовательно большинство, — тогда уничтожаются наконец все государственные учреждения, и на их место становится организация Интернационала...“

Энгельс добавляет:

„Все это звучит необыкновенно радикально и так просто, что все можно выучить наизусть в пять минут. Поэтому теория эта быстро встретила сочувствие среди молодых адвокатов, докторов и других доктринеров в Италии и Испании...“

В сущности, как и прудонизм, система Бакунина оставляла пролетариат безоружным перед лицом классового врага: в то время, как буржуазия располагает мощными силами для сопротивления, пролетариат должен был оставаться неорганизованным. Указывая на нелепость отказа от всякого принуждения, Энгельс говорил: как можно управлять фабрикой, железной дорогой, кораблем, если отрицать всякий авторитет и всякую дисциплину, всякое объединенное руководство?

По Бакунину, „всякий отдельный человек, всякая община — автономны, — писал Энгельс. — Но каким образом общество, хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый человек отказался хоть от небольшой доли своей автономии, — об этом Бакунин молчит“.

Выясняя, что нет разницы в конечных целях, но есть

огромное расхождение в понимании путей, Энгельс писал:

„Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет, исчезнут вследствие будущей социальной революции... Но анархисты требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом еще раньше, чем будут отменены социальные отношения, его породившие“.

„... Видали ли когда-нибудь революцию эти господа? — спрашивает он. — ... Революция есть акт, при котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек... И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакции ее оружие“.

„Или анархисты не знают сами, что они говорят, и в таком случае они сеют путаницу; или они знают, и в таком случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат делу реакции“.

Приблизительно так же высказывался Маркс:

„... Рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру..., чтобы сломить сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того чтобы сложить оружие и отменить государство“.

ХІХ. КОНГРЕСС В ГААГЕ

Рост анархизма в отсталых странах был угрожающим для судьбы Первого международного товарищества рабочих еще и потому, что в передовых странах оно утрачивало опору. Рабочее движение переживало полосу упадка: после поражения Коммуны французские секции Интернационала были вычеркнуты из его рядов беспощадными преследованиями. Движение в Германии было ослаблено репрессиями. В Англии снова брали верх оппортунистические настроения. Они не замирали здесь вовсе даже в годы повсеместного расцвета про-

летарского движения. Когда был написан „Учредительный адрес“, Поттер и часть оппортунистической верхушки рабочего класса заявляли протест против этого манифеста. „Нельзя так отводить душу“. Резкие выпады против господствующих классов, по их мнению, только ухудшают положение, тормозят дело рабочих (т. е. мелкие экономические завоевания). Газета Поттера „Улей“ и позже постоянно твердила о необходимости соглашения с буржуазией. Для значительных кругов рабочих Интернационал все время был лишь такой организацией, которая могла помочь в повседневной экономической борьбе и только.

Вместе с тем нередко проявлялась и другая присущая английским трэд-юнионам черта. Вырывая у буржуазии кое-какие уступки, верхушка рабочего класса отделялась от массы, утрачивала чувство классовой солидарности. В протоколах Генерального совета отмечен, например, такой факт: представитель Лондонского совета профессиональных союзов возражал против присоединения к Интернационалу союза землекопов, так как работа их неквалифицированная.

Узкая практичность и аристократизм квалифицированных рабочих затемняли у них сознание классовых путей и конечных задач рабочего движения, заставляли тяготеть к соглашению с высшими классами. Все это делало англичан ненадежной опорой Интернационала, хотя по своему положению самой передовой страны Англия и могла бы стать базой социальной революции.

„У англичан, — говорилось в одном циркуляре Генерального совета, — налицо все необходимые материальные предпосылки революции. Чего им недостает — это духа обобщения и революционной страсти“.

В конце шестидесятих годов, особенно пока еще шла борьба за избирательную реформу, общее настроение рабочих было более благоприятным для усвоения идей Интернационала. Но эта же борьба за избирательную реформу отвлекла англичан от работы в Интернационале. Маркс сердился тогда, что англичане не умеют

заниматься сразу двумя делами. „В Англии движениями же порожденное, почти совершенно нас убило“, — признавался он тогда. Не удалось Марксу во время борьбы за избирательную реформу уберечь англичан от их „проклятой традиции вступать в союз с буржуазией“. Блок был заключен. Частичные уступки, сделанные правящими классами в вопросе об избирательном праве, сильно понизили революционность английских рабочих. Начался возврат к тактике малых дел и соглашений с врагом.

„Целью рабочих организаций должно быть ослабление растущих страстей путем простых разумных уступок“, — писала газета „Улей“.

Разгром Парижской коммуны отозвался в Англии еще большим усилением оппортунизма, соглашательства.

При таких условиях разлагающая Интернациональная деятельность бакунинцев требовала решительного вмешательства со стороны руководства организаций.

В сентябре 1872 г. в Гааге собрался конгресс, которого так добивался Бакунин с друзьями.

Готовый дать решительный бой, Маркс, в первый раз за все время существования Рабочего товарищества, лично прибыл на конгресс. Он писал Энгельсу:

„На Интернациональном конгрессе (в Гааге, открытие — 2 сентября) речь будет идти о жизни и смерти Интернационала, и прежде чем я уйду отсюда, я хочу защитить его, по крайней мере, от разрушительных элементов“.

Бакунин однако в Гаагу почему-то не явился. Не прибыли его друзья.

Всего собралось 67 делегатов — некоторые, из осторожности, под вымышленными именами, — так суровы теперь были повсюду полицейские преследования.

Маркс руководил прениями на съезде.

Вопрос шел о правах Генерального совета. Друзья Бакунина агитировали за ограничение его прав.

Маркс выступил с большой речью в защиту совета.

„В распоряжении Генерального совета нет ни армии

ни солдат, только нравственная сила, — говорил он, — и она не должна подвергаться ограничению. Не для одной переписки с разными странами, а для руководства рабочим движением и объединения его должен существовать Генеральный совет“.

Большинство конгресса после этого доклада поддержало Маркса. Власть Генерального совета была даже усилена.

Это было ударом по Бакунину.

Вторым ударом была резолюция по вопросу о политической борьбе пролетариата. В ней опять говорилось: „Так как владельцы земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями, чтобы поработать труд, то завоевание политической власти составляет великую обязанность пролетариата“.

Бакунинцы были разбиты на конгрессе.

Но Марксу этого было мало. Он был централистом, стоял за единство организации и мог быть беспощадным к тем, кто подрывал это единство, ведя разлагающую работу. Он решил посчитаться с врагом, окончательно обезвредить его.

За Михаилом Бакуниным было много грехов.

Во первых, вступая в Международное товарищество рабочих, он дал обязательство распустить свой Альянс и не исполнил обещания. Он интриговал против Генерального совета и надеялся овладеть Товариществом, подчинить его себе и повести все мировое рабочее движение по своему пути.

Обман был налицо. Надо было это доказать. Для расследования дезорганизующей деятельности Бакунина конгрессом была выделена комиссия. Энгельс и участник Коммуны, Лафарг, подали ей доклад о деятельности Бакунина. (После падения Коммуны Лафарг бежал в Испанию и там вел ожесточенную борьбу с бакунинцами. На конгресс в Гаагу он явился их непримиримым противником. Маркс тоже принимал участие в составлении доклада о Бакунине.)

У Бакунина было одно уязвимое место.

Он уже давно дружил с русским революционером Александром Нечаевым, бежавшим из России после убийства одного студента, заподозренного им в предательстве. Поселившись в Швейцарии, Нечаев еще теснее сблизился с Бакуниным и стал убеждать его отдать все свое время революционной пропаганде. Бакунин собирался в это время переводить „Капитал“, взял у одного издателя задаток и считал себя связанным этой работой, Нечаев заявил, что берется освободить его от обязательств перед издателем.

И освободил очень просто.

Письмо за подписью „Комитета Народной расправы“ было послано издателю с приказанием не требовать от Бакунина возврата задатка и вообще оставить его в покое...

На бумаге были изображены череп, кинжал и топор, и требование было подкреплено угрозой убить слушника.

Вот эта история и была сообщена комиссии, разбиравшей деятельность Михаила Бакунина. Представлено было и письмо.

Комиссия решила исключить Бакунина из Международного товарищества рабочих, и конгресс утвердил это решение.

Единство Интернационала было ограждено.

Занятия конгресса в Гааге закончились большим митингом, на котором Маркс выступил с речью.

Он начал так:

„В XVIII веке короли и сильные мира собирались обыкновенно в Гааге для обсуждения интересов своих династий. В том же месте мы решили устроить съезд труда, вопреки всем запугиваниям. В среде самого реакционного населения мы подтвердили жизнеспособность нашего великого Товарищества и надежду на его будущее развитие“.

Переходя к спору, раздиравшему в это время Интернационал, он сказал:

„Среди нас возникла группа, требующая отказа рабочих от политики. Мы сочли своим долгом заявить, насколько опасными и роковыми для нашего дела признаем мы эти принципы. Рабочий класс должен в один прекрасный день завоевать политическую власть и установить новую организацию труда...“

XX. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Победа была одержана, но организация уже была обречена.

После исключения Михаила Бакунина анархически настроенные рабочие Швейцарии, Италии, Испании стали отпадать от Интернационала.

Уже готовясь к Гаагскому конгрессу, Маркс и Энгельс решили, что необходимо перенести Генеральный совет в Америку. Почему они пришли к такой мысли? — У Интернационала не было больше почвы под ногами.

Выше мы указали почему. Во Франции рабочее движение замерло после разгрома Коммуны и репрессий. Германская рабочая партия не была еще настолько сильной, чтобы служить серьезной опорой Интернационалу и его марксистскому руководству. А „первенцы современной промышленности“, англичане, уже ушли из-под руководства Интернационала, занявшись мелкой экономической борьбой.

Уже раздавались предложения упразднить Генеральный совет: его руководство казалось на местах деспотическим.

Но и в самом Генеральном совете Маркс не находил прежней поддержки. Часть самых надежных членов, как Эккартус например устранилась от работы. Английские делегаты вели оппортунистическую линию. Среди французских членов преобладали бланкисты, готовые в любой момент толкнуть организацию к какой-нибудь политической аванюре и тем поставить ее перед большими трудностями.

Незадолго до съезда в Гааге Энгельс сердито и огорченно писал по поводу предложения распустить Генеральный совет:

„Для нас лично это было бы хорошо, я и Маркс все равно больше не войдем в него; при теперешнем положении дел у нас не остается времени для работы; это должно прекратиться“.

В действительности оба думали не так. Именно для того, чтобы спасти Генеральный совет и сохранить за собой руководство им, Маркс предпочел перенести его в Северо-Американские штаты, в более здоровую, как надеялся он, — и сознательную среду.

На том же митинге после Гаагского конгресса он заявил:

„Что касается меня, то я буду продолжать работать над разрешением своей задачи, над созданием солидарности рабочих, столь плодотворной для будущего. Нет, я не уйду из Интернационала, и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будут посвящены торжеству социальных идей, которые рано или поздно приведут к господству пролетариата...“

В этих последних словах заключался ответ на вопрос, как относился старый Маркс к Рабочему товариществу, перестало ли оно для него быть тем, чем было до сих пор.

Он не хотел уходить из него, порывать с ним.

И все-таки постановления в Гааге нанесли последний удар Товариществу.

В дни, когда оно зародилось, Маркс старался в „Учредительном адресе“ и уставе так выразить задачи новой организации, чтобы их могли принять рабочие, в разных странах стоявшие на разном уровне развития. Шли годы, и разница взглядов проявлялась резче, борьба углублялась внутри Товарищества. Потребность же в четкой программе увеличивалась по мере того, как Интернационал становился действительным руководителем международного рабочего движения.

Ряд конгрессов положил конец возможности колебаний по основным вопросам. Теперь не могло быть двух мнений. Принципами научно обоснованного рабочего движения Маркс не мог пожертвовать. Они закладывались и для современности и для будущих поколений рабочих. Но зато люди, по разному думавшие, не могли больше ужиться рядом.

Предложение перенести Генеральный совет в Нью-Йорк было встречено многими делегатами конгресса с большим изумлением. Многие голосовали против. Особенно огорчились французы. Несколько человек даже покинуло конгресс.

„Интернационал уклонился от революции и убежал за Атлантический океан“, — упрекнули они Генеральный совет. Но не одни французы были огорчены и разочарованы. Бебель и Либкнехт не отозвались на эту меру, они сидели в крепости. Но большинство Эйзенахской партии было раздражено и переездом Генерального совета и ожесточенной борьбой на последнем конгрессе. Они бы хотели в рядах Международного товарищества рабочих видеть „братство и гармонию“.

В Англии решение было принято еще хуже. Часть вождей профессиональных союзов была так озлоблена против Маркса за этот переезд совета, что предлагала отвергнуть решение Гаагского конгресса, а самого Маркса исключить из Международного товарищества рабочих.

Выступил против Маркса и один из ближайших друзей с осени 1864 г., с самого основания Товарищества, шедший рука об руку с ним во всех основных вопросах — Эккартус.

Переселение в Нью-Йорк не спасло Международного товарищества рабочих.

В Нью-Йорке Генеральный совет оказался оторванным от европейского пролетариата и не нашел опоры среди американских рабочих, еще слабо организованных.

Не было людей, не было средств, не было возможности влиять на европейские дела.

И попрежнему происходили распри, от которых на-

деялся уберечь его Маркс, настаивая на переезде в Америку.

Генеральный совет был не нужен больше. Товарищество умирало, доживало последние годы, и четыре года спустя оно умерло.

В 1876 г. съезд, собравшийся в Филадельфии, распустил Международное товарищество рабочих.

В воззвании съезда говорилось:

„Товарищи рабочие!

Международный конгресс в Филадельфии упразднил Генеральный совет Международного товарищества рабочих...

Интернационал умер! — опять воскликнет буржуазия и с радостью и насмешкой будет указывать на работы этого конгресса как на доказательство поражения всемирного рабочего движения. Пусть крик наших врагов не окажет на вас влияния...

Дадим нашим товарищам европейским рабочим немного времени для усиления их национальных организаций, и конечно они вскоре окажутся в состоянии разрушить барьеры, отделяющие их от рабочих других частей света.

Американские рабочие обещают вам, что они будут свято хранить и беречь завоевания Интернационала в Соединенных штатах до тех пор, пока более благоприятные условия опять соберут рабочих всех стран под общее знамя борьбы и еще с большей силой раздастся клич:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Рабочее товарищество умирало с надеждой на скорое возрождение.

То же самое думали и его вожди.

Когда возник Интернационал, в отдельных странах не было рабочих партий, объединенных программой спаянных дисциплиной. Международное рабочее товарищество поддерживал только порыв, воодушевление рабочих масс. Для продолжительного существования нужна была более прочная опора. Нужно было, чтобы

внутри отдельных стран рабочие организовались. А разбуженные массы к этому шли.

„События и неизбежный ход вещей сами позаботятся о восстановлении Интернационала“, — писал Маркс последнему секретарю Генерального совета, Зорге.

И Фридрих Энгельс немного спустя писал Зорге:

„... Я думаю, что после того как учение Маркса в течение нескольких лет будет все больше и больше усваиваться, будущий Интернационал будет чисто коммунистическим“.

История оправдала его слова, хотя не так скоро.

Интернационал возродился уже в 1889 г. Но этот Второй Интернационал не был коммунистическим.

Коммунистический Интернационал возник позже — больше чем сорок лет спустя после конца Первого товарищества рабочих. Теперь опорой у него огромная страна, шестая часть света, ее 160 000 000 населения и коммунистические партии всего мира.

XXI. ПОСЛЕ РАСПАДЕНИЯ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Руководитель Первого Интернационала пережил его на семь лет.

Вскоре после конгресса в Гааге Маркс опять отдал все свое время главному своему труду — подготовительным работам ко II и III томам „Капитала“.

Этой работе как будто не предвиделось и конца. Из одного вопроса возникал ряд новых. Чтобы работать, например, вопрос о земельной ренте, Маркс основательно изучил первобытную историю, агрономию, поземельные отношения у славян и в Америке. Тут ему понадобилось знание русского, сербского, древнеславянского языков, — он принялся за их изучение. Обыкновенно работа над книгой длилась с девяти утра и до полуночи.

Однако за этим трудом рабочее движение не было позабыто, и связи не утратились. Шла деятельная переписка с европейскими и американскими органи-

зациями. Попрежнему к Марксу обращались за разрешением спорных вопросов, за указаниями...

Рабочее движение в разных странах становилось по-немногу на марксистский путь.

В России те, которые одно время были сторонниками Бакунина: Плеханов, Дейч, Вера Засулич, стали последовательными марксистами. Маркс помогал их работе. Он написал предисловие к русскому переводу „Коммунистического манифеста“, сделанному Плехановым. В его бумагах найден черновик ответа Вере Засулич на просьбу ее к Марксу обрисовать путь русской крестьянской общины.

Хотя Генерального совета больше не существовало, но два человека в Лондоне заменяли его и всех его секретарей, вели неустанную переписку, отвечали на недоуменные вопросы вождей рабочего движения в разных странах.

Чтобы выдерживать такую нагрузку, нужен был чрезвычайно мощный организм.

Организм же Маркса был подорван. Сказывалось переутомление. Страдания желудка, болезнь печени, нервность, частые бессонницы, головные боли, особенно последние, измучивали Маркса, мешали его работе.

Несколько лет под ряд его посылали на воды в Германию. Это помогало, но лишь на время.

Марксу нужен был бы длительный отдых.

Ему было больше шестидесяти лет. Труд был проделан огромный — и в области науки и в революционной деятельности.

Но он отдыхал себе не давал.

„Работать для мира“ было целью всей его жизни. Он оставался верен себе и теперь.

Он слабел с каждым годом.

Весной 1883 г. Маркс умер.

Энгельс написал Зорге:

„Человечество сделалось ниже на целую голову, причем на самую гениальную из всех, какими оно располагало за последнее время.

Движение пролетариата пойдет своим путем, но не будет уже центра, к которому в критические минуты спешили за помощью французы, русские, американцы и немцы, получавшие от него всегда ясные и верные советы; такие советы мог давать только гений и человек, в совершенстве владеющий предметом“.

Над его могилой этот вернейший друг сказал так:

„14 марта, в три четверти первого пополудни, перестал мыслить величайший мыслитель современности...“

„Мы не можем измерить того, что потерял в его лице борющийся европейский и американский пролетариат, и историческая наука очень скоро почувствует пробел, оставшийся со смертью этого великана“.

Этот пробел Энгельс заполнял, подготовив к печати незаконченные Марксом II и III томы „Капитала“. Работа его по разъяснению, истолкованию научных основ рабочего движения, по борьбе с анархизмом и соглашательством продолжалась до его смерти, 5 августа 1895 г.

Но говорить лишь о том, что эти двое людей — Маркс и Энгельс — дали пролетариату теоретическое оружие и указали практические пути движения — значит сказать еще не все. Они революционизировали, воспитали мысль и волю рабочего класса, поставив перед ним огромную задачу. „Гиганты революционной мысли, поднимавшие и поднявшие пролетариат всего мира над уровнем мелких будничных, копеечных забот“, они помогли ему осознать свою историческую роль.

„Интернационал, — говорил Маркс, — был основан для того, чтобы социалистические и полусоциалистические секты заменить настоящей боевой организацией рабочего класса...“ „...История Интернационала была непрерывной борьбой Генерального совета с дилетантскими опытами и сектами, стремившимися в рядах самого Интернационала занять позицию, враждебную подлинному рабочему движению...“

Трудность борьбы усиливалась тем, что Первое международное товарищество рабочих объединяло раз-

ношерстные и по идеологии и по социальному составу группы. Рядом с основателями научного социализма в нем сначала уживались представители мирного анархизма — прудонисты, защитники мелкого товаропроизводителя. Они больше всего желали повернуть обратно ход экономического развития, возродить ремесло на погибель крупному капиталу. Им на смену пришли анархисты-бакунинцы с проповедью бунтов во что бы то ни стало. Они призывали к немедленному разрушению всей культуры в угоду бунтарскому инстинкту деклассированного интеллигента и обнищавшего крестьянина. Отрицая роль единственного класса, способного осуществить строительство социализма, они под прикрытием революционной фразы, сами того не сознавая, служили делу реакции.

Первый Интернационал в постоянной повседневной борьбе изживал это полусоциалистическое „сектанство“. В упорной борьбе его руководители вели организацию к выработке коммунистической программы. Часть резолюций I Интернационала, храня на себе влияние этих „сект“, носит половинчатый характер. Их надо и принимать как результат борьбы разных течений. Но марксистское руководство достигло того, что по основным вопросам были приняты такие решения, которые стали руководящими при дальнейшей разработке теории и практики рабочего движения.

„Первый Интернационал заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал“ — так охарактеризовал Ленин историческое значение Первого международного товарищества рабочих.

Эту же мысль встречаем во введении к программе Коминтерна:

„Первый Интернационал заложил идейные основы международной пролетарской борьбы за социализм“.

В борьбе за правильную линию Коммунистический Интернационал опирается на преемственную свою связь с I Интернационалом, на его идеологическое наследие.

„Будучи единой и централизованной международной партией пролетариата, Коммунистический Интернационал является единственным продолжателем принципов Первого Интернационала, проводимых им на новой массовой основе революционного пролетарского движения“.

В этих словах — оценка значения для современности Первого международного товарищества рабочих, возникшего на митинге в Лондоне в 1864 г. и распущенного в Филадельфии конгрессом 1876 г.

После Гаагского конгресса, исключившего анархистов, бакунинцы созвали несколько своих съездов, которые они называли „конгрессами Первого Интернационала“. Но после разгрома Парижской Коммуны и репрессий следующих лет рабочее движение всюду замирало, и не бакунинцам было оживить его в международном масштабе. Их съезды были съездами скорее кучки заговорщиков, чем массовой организации. В 1880 г. призрачное существование бакунинского Интернационала оборвалось. Движение пролетариата между тем шло своим путем. Ему, по выражению Энгельса, „оставалось теперь организовать в национальных формах“.

Так и было в действительности. В ряде стран развитие шло по пути профессиональных организаций. В других организовались и росли политические рабочие партии. В Германии, руководимая Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом, социал-демократическая партия в целом проникалась идеями марксизма.

К концу 70-х годов рабочее движение уже опять приобрело большой размах. А вместе с этим сильнее ощущалась и потребность в международных связях.

Уже в 1877 г. по инициативе бывших членов Первого Интернационала произошел международный социалистический конгресс в Генте. Он принял ряд резолюций в чисто-марксистском духе (о политической борьбе пролетариата, о профессиональном движении, о тенденции современного производства в отношении к частной собственности). Одновременно на нем говорилось о необходимости объединить усилия социалистических пар-

тих разных стран и было избрано международное бюро, правда, пока с узкой задачей — подготовить созыв следующего конгресса. Как-никак начало новым организационным связям между рабочими партиями было положено.

В 1878 г. Маркс писал в одном английском журнале в ответ на утверждение, что Интернационал умер навеки: „На самом деле социал-демократические партии Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Италии, Бельгии, Голландии и Северной Америки образуют в качестве национальных организаций вместе с тем и интернациональные группы; это уже не разрозненные секции, рассеянные кое-где по отдельным странам и сдерживаемые на периферии Генеральным советом, а рабочие массы, находящиеся в постоянном активном и прямом общении, сцепленные обменом идей, взаимной помощью и общими целями.... Таким образом Интернационал не умер, а только после первого периода перешел в другой, более высокий, в котором отчасти уже осуществились его первоначальные устремления“.

Четыре года спустя после Гентского конгресса, на новом конгрессе в Хуре, снова раздались голоса о необходимости создать международную пролетарскую организацию. Правда конгресс постановил, что возродившееся рабочее движение еще недостаточно окрепло для этого. Но потребность в международном руководстве дает себя знать: в промежутке между Хурским конгрессом и 1886 г. состоялись две рабочие конференции и Международный социалистический конгресс в Лондоне.

Так готовились пути для создания Второго Интернационала.

Литература о Первом Интернационале
(ссылки на содержание и скачивание текстов,
формат DjVu, подготовлены тов. Rexy-craxu)

Первый Интернационал. В 3-х тт.

/ под редакцией И.А.Бах (отв. ред.), Л.И.Гольмана, В.Э.Куниной

Часть 1. 1864-1870 (М.: Мысль. 1964)

Часть 2. 1870-1876 (М.: Мысль. 1965)

Часть 3. Первый Интернационал в исторической науке (М.: Мысль. 1968)

<http://znanie-vlast.livejournal.com/359413.html>

Из истории марксизма и международного рабочего движения.

К 100-летию со дня основания I Интернационала

/ Отв. ред. Тартаковский Б.Г. (М.: Политиздат, 1964)

<http://znanie-vlast.livejournal.com/358886.html>

Б.С.Итенберг. Первый Интернационал и революционная Россия
(М.: Мысль. 1964)

Ф.Я.Полянский. Экономические идеи I Интернационала
(М.: Знание. 1964)

Г.А.Деборин. Столетие Первого Интернационала (1864 - 1964)
(М.: Знание. 1964)

<http://znanie-vlast.livejournal.com/358255.html>